

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Е. Троицкий

Арсений, патриарх Никейский и
Константинопольский, и арсениды

Опубликовано:
Христианское чтение. 1871. № 6. С. 1055-1119.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

АРСЕНІЙ,

ПАТРИАРХЪ НИКЕЙСКІЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ

и

АРСЕНИТЫ.

(Къ исторіи восточной церкви въ XIII вѣкѣ.)

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

Императоръ не оставлялъ своихъ примирительныхъ плановъ и по возвращеніи въ столицу (1). Такъ какъ одна половина (меньшая) арсеніанской фракціи согласилась подчиниться церкви на выше изложенныхъ условіяхъ, а другая на отръзъ отказалась отъ этого подчиненія, то его ближайшею задачею сдѣлалось теперь устроить соглашеніе между обѣими половинами и тѣмъ подготовить окончательное вступленіе ихъ въ церковь.

(1) Негорикъ, по обыкновенію, не отмѣчаетъ точно времени этого возвращенія; но такъ какъ онъ не разказываетъ ни о какихъ другихъ событіяхъ между дѣйствіями Атрамитскаго собора и возвращеніемъ императора въ столицу, то это возвращеніе можно полагать сряду же по закрытіи собора т. е. въ Маѣ того же 1284 г., но самое возобновленіе примирительныхъ попытокъ должно быть отнесено на нѣсколько недѣль позднѣе возвращенія, такъ какъ, по словамъ негорика, императоръ по возвращеніи въ столицу занялся сначала другими дѣлами и только по обыкновеннымъ знаменіямъ, о которыхъ разказывается ниже, заставили его бросить эти дѣла и заняться снова вразумленіемъ отщепенцовъ. Къ числу этихъ дѣлъ должно быть отнесено и дѣло Андроника Сардскаго, разгравившееся, несомнѣнно, уже послѣ возвращенія императора въ столицу и до возобновленія примирительныхъ попытокъ.

Къ этому побуждало его, говорить нашъ историкъ, сколько его личное убѣжденіе въ необходимости устроить такъ или иначе примиреніе раскольниковъ другъ съ другомъ и съ церковью, столько же знаменія и чудеса, которыя способны были поразить самыхъ безстрашныхъ людей. Разнесся слухъ, что образъ Пресвятой Богородицы, находившійся въ одномъ изъ домовъ, сосѣднихъ съ Великою церковью, источалъ такое множество слезъ, что ихъ собирали губками. Пречистая Дѣва видимо оплакивала гибельное раздѣленіе въ церкви. Императоръ пожелалъ лично удостовѣриться въ дѣйствительности этого чуда и воздать должное поклоненіе Матери Бога Слова. Поклонившись чудесному образу, онъ приказалъ запечатать домъ, въ которомъ онъ находился; но чудо продолжало совершаться и послѣ этого. Въ то же время отъ образа св. великомученика Георгія, находившагося въ части города, лежавшей близъ воротъ Харсія, выпало нѣсколько капель крови. Императоръ, который былъ, по правдѣ сказать, боязливъ и суевѣренъ на этотъ счетъ (*δειδύμων ὢν, ὡς τὸ ἀλκιδᾶς ἑπιτεῖν, παρὶ τὰ τοιαῦτα καὶ εὐλαβής*), не въ шутку испугался (*φόβον ἐν μικρῶν εἶχε*): онъ принялъ эти знаменія за выраженіе гнѣва Божія къ нему за то, что онъ, вмѣсто того, чтобы заниматься исключительно вразумленіемъ и обращеніемъ отщепенцевъ, занялся другими дѣлами, и потому, бросивши все, снова принялся за свои прежнія попытки достигнуть примиренія партій ⁽¹⁾, — приглашалъ къ себѣ ихъ вождей и вмѣстѣ и порознь, совѣщался съ ними и конфиденціально и открыто, и лично и чрезъ посредство другихъ.... но все эти усилія разбивались

(1) Pashum. lib. 1, c. 30, p. 81—82.

о взаимное раздраженіе и упорство отщепенцевъ. Представители умѣреннаго направленія арсеніанской фракціи, предводимые Іоанномъ Тарханіотомъ, прозвали своихъ прежнихъ союзниковъ огнепоклонниками послѣ неудачнаго искушенія води Божіей въ Атрамитѣхъ и до того чуждались ихъ, что не хотѣли даже говорить съ ними; эти въ свою очередь не хотѣли и слышать о какомъ бы то ни было сближеніи съ церковью. Они продолжали жаловаться на то, что имя Іосифа по прежнему красуется въ церковныхъ диптихахъ и поминается въ церковныхъ молитвахъ не смотря на то, что онъ отлученъ отъ церкви Арсеніемъ вмѣстѣ со всѣми, находившимися въ общеніи съ нимъ, и объявили, что до тѣхъ поръ не вступятъ въ общеніе съ официальной церковію, пока отлученные Арсеніемъ не будутъ приняты въ общеніе намѣстникомъ Арсенія Іакинфомъ, который уполномоченъ на это самимъ Арсеніемъ и который для этого долженъ быть возведенъ на патріаршій престолъ. Наконецъ они утверждали, что имъ однимъ принадлежитъ право предписывать условія принятія въ церковное общеніе, такъ какъ они только одни соблюли себя отъ всякаго компромисса съ папою и его клеветами (1).

Очевидно, раскольники продолжали стоять на своей прежней точкѣ зрѣнія: считая себя однихъ истинными представителями церкви, они отрицали за официальной церковію право принимать ихъ въ свое общеніе, и напротивъ присвоили себѣ право принять или не принять ее въ общеніе съ собою. Понятно, что императоръ не могъ принять этой точки зрѣнія, такъ какъ это равнялось бы формальному осужде-

(1) Pachym. lib. 1, c. 30, p. 82—83.

нію и отмѣненію всего совершившагося въ церкви со времени удаленія Арсенія отъ престола; пришлось бы пересовершать все церковныя таинства надъ всѣми, надъ которыми эти таинства совершены не арсенитами, такъ какъ, при незаконности іерархіи, онѣ оказывались не дѣйствительными. А поелику Іакинвъ съ своей партіей не хотѣлъ поступиться ни на волосъ въ своихъ требованіяхъ, то желанное соглашеніе и не могло быть достигнуто, не смотря на все усилія императора.

Но и умѣренные арсениты примирились съ церковію не впопыхъ и не безъ задней мысли. Не много спустя они сдѣлали съ своей стороны попытку достигнуть тѣхъ же результатовъ, которыхъ добивались ихъ собратья, только другимъ путемъ. Они приступили къ императору съ просьбою позволить имъ перенести тѣло Арсенія съ острова Приконниса, гдѣ онъ былъ погребенъ, въ столицу. «Просьба была сдѣлана не проста; но заключала въ себѣ затаенную мысль—прямо возвысить въ мнѣніи народа арсенитовъ и косвенно унижить іосифитовъ» (1). Мало этого: этимъ путемъ они надѣялись возстановить Арсенія на его престолѣ хотя бы то и послѣ смерти, ео ipso осудить Іосифа, какъ узурпатора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отмѣнить все то, что было сдѣлано имъ во время его патріаршества (2).

Не понялъ ли императоръ этой затаенной мысли арсенитовъ, или въ немъ родилась надежда этой уступкой смягчить суровыхъ представителей крайняго направленія и достигнуть примиренія ихъ съ цер-

(1) Григор. стр. 159.

(2) Рашум. lib. 1, c. 31, p. 83.

вію, только онъ безъ труда согласился исполнить предложенную ему просьбу, если не представится къ тому препятствій со стороны завѣщанія Арсенія.

Эта послѣдняя оговорка была сдѣлана потому, что носился слухъ, будто Арсеній на смертномъ одрѣ своемъ подвергъ отлученію всякаго, кто захотѣлъ бы перенести его тѣло съ Приконниса куда бы то ни было. Но когда нѣкоторые изъ арсенитовъ, близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, увѣрили его, что это выдумка ученика 'Арсеніева, Матѳея, который изъ личныхъ расчетовъ распустилъ этотъ слухъ, чтобы не лишиться тѣхъ доходовъ, которые онъ получалъ отъ благочестивыхъ поклонниковъ, оставаясь при гробѣ почитаемаго святителя; то Андроникъ отправилъ въ Приконнисъ особую галеру подъ начальствомъ Θεодора Мануелита, съ порученіемъ привезти тѣло въ столицу. Само собою разумѣется, что галера наполнена была арсенитами, которые не могли уступить другимъ чести сопровождать прахъ своего главы.

Когда чрезъ нѣсколько дней получено было извѣстіе о прибытіи галеры съ драгоценною ношею, императоръ и патріархъ—первый во главѣ всего двора и сената, послѣдній во главѣ духовенства, поспѣшили на встрѣчу браннымъ останкамъ святителя. Безчисленная толпа народа сопровождала ихъ. Прибывши на пристань Евгенія, покрыли раку драгоценнымъ покровомъ; священнослужители, вышедшіе на встрѣчу, приняли ее на свои плечи и несли до самаго храма Великой Премудрости Божіей съ пѣніемъ различныхъ случаю священныхъ пѣсней. У всѣхъ, сопровождавшихъ гробъ, были въ рукахъ зажженные свѣчи. Не было, говорить историкъ, ни одного человѣка,

который бы не оказывалъ останкамъ блаженно-почившаго патріарха такихъ же почестей, какія оказывали и арсениты. Клирики, находившіеся въ церковномъ общеніи съ патріархомъ Григоріемъ, облачившись въ священныя одежды, приготовились служить литургію; но предъ началомъ литургіи они переоблачили мощи, одѣтые въ убогую монашескую одежду, въ святительскія ризы, на амвонѣ, съ обычными обрядами, принятыми при облаченіи архіереевъ, при пѣніи священныхъ пѣсней тѣмъ и другимъ клиросомъ попеременно. Затѣмъ епископы перенесли ихъ въ олтарь на горнее мѣсто. Послѣ этого началась литургія. Во все продолженіе литургіи мощи оставались на горнемъ мѣстѣ, какъ будто усопшій святитель былъ священнодѣйствующимъ. По окончаніи литургіи ихъ положили въ раку, поставленную направо отъ олтаря, замкнувши ее нѣсколькими замками и занечатавши нѣсколькими печатями изъ опасенія, какъ бы арсениты не похитили тѣла. По вторникамъ, на каждой недѣлѣ, когда народъ, по обычаю, стекался къ Одитрип (¹), гробни-

(¹) Πρὸς τὴν τῶν Ὀδιτρῶν κατ' ἔτος λαοὺ συντρέχοντος... Ученая Поекина сильно затрудняетъ смыслъ этихъ словъ Пахимера: „привыкою откровенно, говорить онъ, что я брожу здѣсь въ потьмахъ, такъ какъ въ греческихъ книгахъ не нахожу ничего объ этомъ. Послѣ долгого и тщательнаго обсужденія я останавливаюсь на слѣдующемъ, представляющемъ мнѣ болѣе вѣроятнымъ, предположеніи, — именно, что здѣсь дѣло идетъ объ обычномъ стеченіи Константинопольскаго народа на поклоненіе ангеламъ. Ибо я нахожу, что ангелы называются словомъ Ὀδιτρός въ литургіи Златоуста, во время совершенія которой диаконъ громкогласно возглашаетъ: ἄγγελον εἰρήνης πιστῶν ἑδρηθῶν, φύλακα τῶν ψυχῶν καὶ σωμάτων ἡμῶν, παρὰ τοῦ Κυρίου ἀπετρώμεθα. Эти слова Кавасила с. 31 констатируютъ слѣдующимъ образомъ: εὐχόμεθα περὶ τοῦ φύλακος ἄγγελου, οὗχ' ἵνα ἡμῖν τότε δοῦνῃ (δέδοται γὰρ ἐξ ἀρχῆς ἐκαστῶ τῶν πιστῶν ἄγγελος), ἀλλ' ἵνα ἐνεργῆς ἢ καὶ τὰ αὐτοῦ ποιῇ καὶ φρουρῇ καὶ πρὸς τὴν εὐθείαν ὁδὸν ἡμᾶς ἑδρηγῇ. (Оглагола видно, какъ часто греки

цу открывали, чтобы всё желающіе могли видѣть
 и зывали ангеловъ словомъ ἄγγελοι. Кроме того известно, что съ древ-
 нѣйшихъ временъ установилось въ церкви въ третій день недѣли со-
 вершать службу въ честь ангеловъ. И такъ я думаю, что въ третій
 день недѣли Константинопольскій народъ имѣлъ обыкновеніе стекаться
 на поклоненіе ангеламъ. Но въ какое мѣсто? Пахимеръ здѣсь указы-
 ваетъ, что стеченіе это было къ правой сторонѣ главнаго алтаря
 (μακίναε αἰαε) въ храмѣ св. Софїи; ибо тамъ, по его словамъ, была
 поставлена гробница или рака съ костями патріарха Арсенія, рака, ко-
 торую, по случаю этого стеченія, имѣли обыкновеніе отярывать. Мнѣ
 кажется, что не будетъ пустой догадкой предположеніе, что мѣсто это
 избрано было въ силу вѣрованія, что ангелы по преимуществу пребы-
 ваютъ въ этомъ мѣстѣ, согласно съ 11-мъ ст. 1 гл. евангелія отъ Луки,
 гдѣ ангель представляется стоящимъ одесную алтаря кадилазнаго. Остае-
 тся еще указать читателю основаніе къ исправленію текста въ этомъ мѣ-
 стѣ книги Пахимера, исправленію, представляющемуся необходимымъ,
 согласно съ вышесприведенною догадкою. Въ двухъ лучшихъ кодексахъ
 подъ литерами В и А (въ кодексахъ У это мѣсто совершенно опущено)
 это мѣсто читается: πρὸς τὴν τοῦ Ὁδύγγων; чтеніе очевидно испорченное.
 И прежде всего къ чему относится или на какой предметъ указываетъ
 слово τὴν? Ни выше ни ниже его нѣтъ ни одного слова того же рода,
 съ которымъ оно могло бы находиться въ грамматическомъ сочетаніи.
 Между тѣмъ известно, что переписчики древнихъ книгъ въ этомъ родѣ
 нѣкоторыя слова обыкновенно изображали собрашенно. Много подобныхъ
 сокращеній встрѣчается и въ обонхъ упомянутыхъ выше кодексахъ,
 какъ напр. мы тамъ встрѣчаемъ ἀνος вмѣсто ἀνθρώπος, οὐνδς вмѣсто
 οὐρανός и пр. Такимъ обр., я думаю, что здѣсь слово τὴν стоитъ вмѣ-
 сто τῆς... Это подтверждается другимъ мѣстомъ нашего автора, нахо-
 дящимся ниже, р. 302 v. 14, гдѣ говорится, что προσκυνήσεως ἕνεκα имѣли
 обыкновеніе приходитъ въ монастырь τῶν Ὁδύγγων не только народъ, но
 и самъ императоръ. Вотъ это мѣсто: εἰς ἑκείθεν ἐπὶ τρίτῃ τῆς ἐβδομάδος
 τῆς καὶ γ' ἐξ ἀνάγκης ἐκ πολλοῦ τῷ βασιλεῖ τῆς τῆς Ὁδύγγων μονῆς κατὰ ταύτην
 τῆς ἡμέρας παραβάλλειν προσκυνήσεως ἕνεκα. Отсюда видно, что импера-
 торъ, слѣдуя народному обычаю, имѣлъ обыкновеніе отправляться на
 поклоненіе въ монастырь Ὁδύγγων, которому, какъ можно подозрѣ-
 вать, дано было это наименование потому, что онъ посвященъ былъ
 специально Ὁδύγοι, или ангеламъ-руководителямъ, согласно съ выше-
 предложеннымъ объясненіемъ. Observat. Pachymet. lib. I. p. 707—708.

Но уже ученый Дерубецъ (въ своихъ Dissertationes duae histo-
 ricæ et dogmaticæ... по изд. Миня Patrologiæ cursus completus, t.
 CXII. col. 126) находилъ это объясненіе неудовлетворительнымъ и
 высказалъ убѣжденіе, что здѣсь дѣло идетъ не объ ангелахъ, а объ
 иконѣ Богородицы—Омгитриѣ, находившейся въ монастырѣ ея имени.
 И дѣйствительно лучшимъ доказательствомъ несостоятельности этого

мощи (1).

Въ послѣдствіи старшая дочь Евлогія, супруга

объясненія служить его крайняя искусственность, не отступающая даже предъ очевидными натяжками. Между тѣмъ простое и естественное объясненіе затруднившаго Поссина мѣста находилось въ тѣхъ же словахъ Пахимера, которыя онъ привелъ ниже въ подтвержденіе своего искусственнаго предположенія (р. 302), стоило лишь сопоставить эти слова съ словами того же Пахимера на стр. 231-й — αὐτόθεν ἐξ ἀνακτόρων παρῆ τὴν ἐσθὴν διεξελθούσας ἅμα τῇ περὶ αὐτὸν τάξει τῶν τῶν Ὀδηγῶν καταλάμβαναι μούρου, καὶ κατέναντι τῆς σεβασμίας εἰκόνης σταθεῖς ἀπονεμεῖ μὲν κατὰ τὸ εἰσὼς τὴν προσκύνησιν, λιπαρὰν τὴν ἱεσῖαν ποιοῦμενος ἀπονεμεῖ δὲ γε καὶ τὴν εὐχαριστίαν μετὰ θερμῆς ὑποπτώσεως, αὐτῇ γε μετὰ θεοῦ λέγων καὶ βασιλεῖαν καὶ ἐκκλησίαν εἰς χέρας τιθέναι, καὶ παρ' αὐτῆς καὶ μόνης ἐλπίζειν ἄξιαν γε τῆν διοίκησιν καὶ ἐπ' ἀμφοτέροις. Эти два мѣста ставить внѣ всякаго сомнѣнія два факта: а) что въ третій день недѣли существовалъ въ Константинополѣ обычай ходить на поклоненіе въ монастырь τῶν Ὀδηγῶν и б) что предметомъ поклоненія была икона Божіей Матери τῶν Ὀδηγῶν. Эти два факта дѣють ключъ и къ пониманію, столь сильно затруднившихъ нашего ученаго, словъ Пахимера. Говоря объ открытіи раки Арсенія по вторникамъ, когда народъ по обычаю стекался на поклоненіе прѣс τῆν τῶν Ὀδηγῶν, историкъ, очевидно, хочетъ лишь опредѣлить поточнѣе время открытія раки для народнаго поклоненія, а не мѣсто, гдѣ поставлена была рака (оно точно опредѣлено имъ выше словами: περὶ τὰ δεξιὰ τοῦ βήματος) и не мѣсто стеченія народа (оно хотя и указывается историкомъ; но а) не тамъ, гдѣ ищетъ его ученый комментаторъ, и б) не оно составляетъ здѣсь ту специальную цѣль, которую преслѣдуетъ авторъ). Онъ хочетъ лишь сказать, что раку открывали въ тотъ самый день, въ который народъ по обычаю стекался на поклоненіе Одигитрїи (т. е. въ известный монастырь, ей посвященный) и больше ничего. И потому, если ужъ непремѣнно предполагать здѣсь порчу текста; то она должна состоять въ опущеніи слова μούρου, которое фигурируетъ въ двухъ другихъ, приведенныхъ нами мѣстахъ изъ книги Пахимера, и имѣть никакой нужды предполагать здѣсь такое двусмысленное сокращеніе, какое предпологаетъ Поссинъ, тѣмъ болѣе, что а) предположеніе такого сокращенія совершенно произвольно и б) ровно ничего не объясняетъ. Намъ кажется, что на истинный смыслъ этихъ словъ Пахимера наводитъ между прочимъ и упомянутый Поссиномъ греческій кодексъ № V, гдѣ этихъ словъ нѣтъ. По существу дѣла онъ и дѣйствительно были здѣсь плеоназмомъ, такъ какъ ближайшая цѣль историка—опредѣлить время открытія раки Арсенія вродѣ достигалась словами: τρίτης ἑκάστης ἐβδόμης.

(1) Pachym., II, с. 31. р. 84—85.

протовестіарія Рауля, читавшая особенную привязанность и уваженіе къ Арсенію и при жизни и по смерти его, выпросила у императора его мощи для вновь построенной ею великолѣпной церкви въ монастырѣ святаго Андрея. Это второе перенесеніе смертныхъ останковъ святителя совершенно было съ тою же торжественностію, какъ и первое (1).

Но всѣ эти церемоніи не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на суровыхъ приверженцевъ Іакинѳа. Они не сдѣлали ни одного шага къ сближенію съ церковію. Императоръ, впрочемъ, все еще не терялъ надежды побѣдить ихъ упорство, но примирительныя попытки его были на время прерваны неожиданно всплывшимъ дѣломъ Векка, имѣвшимъ роковое значеніе и для патріарха Григорія Кипрскаго.

Послѣ Атрамитскаго собора, когда «всѣ показавшіе въ себѣ ревность по вѣрѣ, собравшись въ Византію, подѣлили между собою митрополіи и другія высшія мѣста» (2), катедра митрополіи Прузской досталась нѣкому повару на царской кухнѣ Николаю, который вслѣдствіе этого постригся въ монахи и принялъ имя Неофита. Историкъ замѣчаетъ, что обычай избирать и возводить такихъ скороспѣлыхъ монаховъ на высшія іерархическія мѣста существовалъ только въ этомъ городѣ, а что въ другихъ мѣстахъ этого обычая не одобряли, находя неприличнымъ, чтобы человѣкъ, только что произнесшій обѣтъ монашества предъ Богомъ и ангелами Его, — обѣтъ послушанія другимъ, такъ скоро бралъ въ свои руки бразды управленія другими (3).

(1) Ibid. p. 85—86.

(2) Григор. стр. 163

(3) Pachtm. lid. 1, c 34, p. 88.

Къ какой партіи «ревнителей» принадлежалъ этотъ новый епископъ изъ поваровъ, неизвѣстно. По видимому, онъ принадлежалъ къ одной партіи съ Германомъ Никомидійскимъ и самимъ патріархомъ Григоріемъ. По крайней мѣрѣ, на это предположеніе наводитъ одинъ эпизодъ изъ исторіи отношеній между этими тремя лицами, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Но дѣло пока не въ этомъ, а въ томъ, что этотъ «ревнитель» вступленіе свое на кафедру митрополита вздумалъ ознаменовать «ревностью по вѣрѣ» и наложилъ на свою епархію постъ за возношеніе имени папы на церковныхъ молитвахъ, допущенное здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ имперіи, послѣ Ліонской уніи. Граждане Фрузы нѣкоторое время переносили наложенное на нихъ наказаніе, но потомъ стали роптать и вымѣщать свою досаду на Веккѣ, какъ главнымъ виновникѣ Ліонской уніи, а слѣдовательно и наложенной на нихъ эпитиміи. Градъ насмѣшекъ, ругательствъ и проклятій сыпался на несчастнаго экс-патріарха при всякомъ появленіи его не только на улицахъ города, но и на дворѣ Космидійскаго монастыря, гдѣ онъ жилъ. Уличныя мальчишки показывали ему языки и забрасывали грязью. Долго терпѣлъ Веккѣ, но наконецъ не выдержалъ и, когда однажды на монастырскомъ дворѣ собралась довольно многочисленная толпа и начала по обычаю поносить его разными бранными словами, онъ остановился на среднѣ обширнаго двора и, возвысивши голосъ такъ, чтобы всѣ могли его слышать, отозвался въ самихъ рѣзкихъ выраженіяхъ о невѣжествѣ мѣстнаго епископа и личномъ характерѣ и убѣжденіяхъ патріарха Григорія. «Удивляюсь я на ваше безсмысліе», ска-

залъ онъ. Вы набрасываетесь на меня съ ругательствами и трактуете меня, какъ язычника, меня, который родился и выросъ среди васъ, между тѣмъ какъ принимаете и превозносите похвалами человѣка, который родился и выросъ между латинянами и до сихъ поръ остается чуждымъ намъ и по одеждѣ и по выговору. Если дѣло идетъ о моемъ ученіи, то пусть императоръ созоветъ соборъ и поручитъ ему рассмотреть, содержится ли въ немъ что либо противное ученію священ. Писанія и отцовъ церкви. И если окажется, что нѣтъ, то за что же вы поносите меня такъ, какъ могутъ поносить лишь невѣжды и площадные крикуны?» Веккъ нарочно сказалъ эти слова публично, чтобы онѣ переданы были царю. По словамъ Григоры, онъ «надѣялся достигнуть одного изъ двухъ: или своимъ видомъ, своимъ лицомъ и рѣчью добиться отъ судей человѣколюбія, или же дать всѣмъ знать о нихъ, какъ о людяхъ безжалостныхъ и жестокихъ» (1).

Андронику дѣйствительно скоро были переданы рѣчи Векка, и онъ «нашелъ, что требованіемъ его пренебрегать не слѣдуетъ,—иначе можно посѣять въ головахъ многихъ подозрѣніе, что человѣка обижаютъ; а тогда въ народѣ начнется нескончаемая ругательства противъ мнимыхъ обидчиковъ, сперва втихомолку, а со временемъ открыто и въявь» (2). Вслѣдствіе этихъ соображеній рѣшено было созвать соборъ въ триклиніѣ Алексѣя, въ томъ самомъ, гдѣ соби-
рался соборъ, низложившій Арсенія. На соборѣ присутствовали кромѣ множества архіереевъ, монаховъ

(1) Григор. стр. 161—162.

(2) Тамъ же стр. 162.

и почетнѣйшихъ изъ мірянъ два патріарха—Константинопольскій Григорій и Александрійскій Аѳанасій. Последний, страдавшій разслабленіемъ въ ногахъ, былъ принесенъ въ залу собранія на носилкахъ, на которыхъ оставался и во все время засѣданія. Императоръ лично предсѣдательствовалъ на соборѣ, окруженный членами сената и чинами своего двора. Великій логоветъ Музалонъ помѣстился близъ патріарха Григорія, чтобы поддержать его въ случаѣ нужды своимъ авторитетомъ и своими богословскими познаніями. Веккъ предсталъ на соборъ въ сопровожденіи своихъ сподвижниковъ и товарищей по ссылкѣ архидіаконовъ Мелетиніота и Метохита (1).

Преніе между Веккомъ, Мелетиніотомъ и Метохитомъ съ одной стороны, и ихъ противниками съ другой—весьма подробно и обстоятельно изложено у Пахимера, но мы коснемся его лишь на столько, на сколько оно входитъ въ нашу исторію.

Предметомъ пренія были нѣкоторыя изреченія о.о. церкви, которыя Веккъ приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ защиту уніи, и въ которыхъ,

(1) *Rashum. lib. 1. c. 34 p. 89—90.* Акты этого собора были открыты Сирмондомъ, который доставилъ списки съ нихъ продолжателямъ лѣтописей Баронію Генриху Спондану и Одорику Райнальду. Первый изъ нихъ относитъ этотъ соборъ къ 1283 г. (п. 10), второй къ 1284 (п. 48). Это разнорѣчіе въ опредѣленіи времени собора обомъ учеными происходитъ отъ того, что начальныи листъ актовъ, на которыхъ, по всей вѣроятности, было точно обозначено время созванія собора, испорченъ. Но мнѣніе Райнальда во всякомъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія, такъ какъ этотъ соборъ былъ созванъ послѣ Атрамитскаго, бывшаго несомнѣнно въ 1284 г. Притомъ, соображая естественный ходъ событій въ связи съ крайней медлительностью Андроника во всѣхъ мѣропріятіяхъ, мы должны относить созваніе собора этого къ концу 1284, или даже началу 1285 г. Лямбезій относитъ начало его къ концу 1287, а конецъ къ началу 1288 г. (*T. V. Commentariorum Bibliothecae saesarae Yindobonensis p. 116.*)

по его мнѣнію, излагалось ученіе, благопріятствовавшее латинскому ученію объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и отъ Сына. Особенно жаркій споръ былъ вызванъ однимъ мѣстомъ изъ твореній св. Іоанна Дамаскина, гдѣ св. отецъ называетъ Бога Отца *Προβολεύς διὰ λόγου ἐκφορητικῶς Πνεύματος*, Изводителемъ Духа Возсіявателя чрезъ Слово. Мелитиніотъ и Метохитъ, которые привели это мѣсто, замѣтили, что со словомъ *προβολεύς* они соединяютъ тотъ же самый смыслъ, какой принято соединять со словомъ *ἄγιος* (Винovníкъ) въ предложеніи къ первому лицу Св. Троицы и для обозначенія Его отношеній къ двумъ остальнымъ». Но, присовокупили они, мы этимъ не хотимъ сказать, что Сынъ, имѣющій бытіе отъ Отца, есть Винovníкъ Духа Святаго, ни того, что Онъ есть Винovníкъ Духа Святаго вмѣстѣ съ Отцемъ (т. е. что вмѣстѣ съ Отцемъ изводитъ Духа Святаго). Напротивъ мы анафематствуемъ всякаго, кто говоритъ такимъ образомъ. Мы говоримъ только, что Отецъ есть Винovníкъ Духа Святаго чрезъ Сына, поелику слово Изводитель принимается въ смыслѣ Винovníка.»

На это великій логофетъ имъ замѣтилъ: «Какъ же вы не говорите, что Сынъ, пріемлющій бытіе отъ Отца, не есть Винovníкъ Духа Святаго, когда утверждаете, что Отецъ есть Винovníкъ Духа Святаго чрезъ Сына? Развѣ сказать, что Отецъ изводитъ Святаго Духа не иначе какъ чрезъ Сына, Который рождается отъ Него, не значитъ приписать Сыну истинную причинность относительно Святаго Духа?»

Архидіаконы, желая отклонить отъ себя упрекъ въ непослѣдовательности, отвѣтили, что когда богословы изъясняютъ божественныя тайны, то хотя

употребляютъ самыя тонкія и возвышенныя выраженія, но эти выраженія, какъ бы тонки и возвышены не были—все таки могутъ показаться грубыми и недостойными божественнаго величія, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія слабаго разума человѣческаго. «Развѣ мы не говоримъ, присовокупили они, въ подтвержденіе своихъ словъ, что Отецъ есть Богъ совершенный, что Сынъ есть Богъ совершенный и что Духъ Святой есть Богъ совершенный? И однако кто же думаетъ заключать отсюда, что мы признаемъ трехъ боговъ? Равнымъ образомъ развѣ мы не говоримъ, что Отецъ родилъ Сына? А кто не знаетъ, какъ злоупотребилъ этимъ выраженіемъ Арій, который вывелъ изъ него заключеніе, что Они не совѣчны по бытію, а что существуетъ извѣстный промежутокъ времени между бытіемъ Того и Другаго. Это однако не мѣшаетъ намъ оставаться твердыми въ вѣрѣ и отвращаться его богохульства. Такъ и здѣсь:—мы принимаемъ истину, возвѣщаемую Св. Писаніемъ, и отвергаемъ ложныя заключенія, которыя изъ нея дѣлаютъ».

Великій харгофлаксъ Георгій Мосхампартъ высказалъ было предположеніе, что приведенное архидіаконами изреченіе св. Дамаскина подложно; но великій логоветъ, наклонившись къ его уху, сказалъ такъ, чтобы другимъ было не слышно: «чтожъ о насъ подумаютъ, если мы будемъ основываться на такихъ слабыхъ доказательствахъ? Мѣсто, которое ты заподозрилъ, читается буквально въ *Ἐρξὸς Ὀπλοθήκη* (святилище оружейохранилище), какъ несомнѣнно принадлежащее св. Дамаскину». За тѣмъ, возвысивши голосъ, онъ сказалъ, обращаясь къ своимъ противникамъ: «я со-

гласенъ съ тѣмъ, что это мѣсто дѣйствительно принадлежитъ св. Іоанну Дамаскину, но не согласенъ съ тѣмъ, что будто Духъ Святой получаетъ Свое бытіе отъ Отца чрезъ Слово или чрезъ Сына, такъ такъ если бы я согласился съ этимъ, то дозволилъ бы себѣ иѣчто болѣе дерзновенное, чѣмъ тѣ, которые говорятъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына. Ибо когда латиняне говорятъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и отъ Сына, то употребленіемъ одного и того же предлога (*отъ*) они уравниваютъ оба лица, и тѣмъ иѣкоторымъ образомъ смягчаютъ то, что есть отталкивающаго въ ихъ ученіи, а когда я слышу, что Духъ Святой исходитъ *отъ* Отца *чрезъ* Сына, то различіе употребляемыхъ въ томъ и другомъ случаѣ предлоговъ даетъ и различныя идеи о способѣ извожденія Св. Духа Отцемъ и Сыномъ,— именно въ одномъ смыслѣ является виновникомъ извожденія Отецъ и въ иномъ Сынъ, и так. обр. вводится въ актъ извожденія величайшее различіе въ богоначальные упостаси,— а что можетъ быть хуже этого?

Сказавши это, великій логоуетъ думать, что сказалъ иѣчто такое, противъ чего его противники не имѣютъ отвѣта. Они однакожь отвѣчали: «къ чему же ты направляешь свои слова противъ насъ? Направляй ихъ противъ того, чье изреченіе мы привели. Одно изъ двухъ—или это изреченіе Дамаскина должно быть отвергнуто, какъ неудачное, или принято какъ оно есть. За что же насъ обвиняете въ ереси, когда мы съ такимъ же уваженіемъ приедемъ это изреченіе св. Дамаскина, съ какимъ принимаете и вы?»

На это патріархъ Григорій имъ замѣтилъ: «кто жъ не уважаетъ св. евангелія, встрѣчая въ немъ

напр. слова: *Отецъ Мой болій Мене есть?* Но не достаточно принимать только съ должнымъ уваженіемъ эти слова, а необходимо и понимать ихъ согласно съ мыслию ихъ Божественнаго автора. Что же толку въ томъ, что вы принимаете эти слова св. Іоанна Дамаскина, когда вы ихъ криво толкуете? Изреченія св. отцевъ находятся въ тѣсной связи и въ полномъ согласіи одно съ другимъ, такъ какъ они произошли хотя и различнымъ образомъ (по формѣ) отъ одного и того же Духа. Докажите же намъ, что и другіе отцы говорили такимъ же образомъ. А такъ какъ вы этого доказать не можете, то явный знакъ, что вы искажаете смыслъ словъ св. Дамаскина, влагаете въ нихъ мысль, противную согласному ученію остальныхъ отцевъ».

Рѣчь патріарха оставила въ большое затрудненіе архидіаконовъ: не имѣя, что отвѣтить на вторую ея половину, они ограничились слѣдующимъ отвѣтомъ на первую: «на слова евангелія, которыя приведены тобою, существуютъ изъясненія о.о. церкви, которыя не позволительно отвергать. Приведенныя нами слова св. Дамаскина должны быть также объяснены. Такъ какъ наше объясненіе вы отвергаете, то скажите намъ свое, чтобы мы могли имъ замѣнить наше, если оно окажется болѣе вѣрнымъ».

Патріархъ отвѣтилъ: «вполнѣ достаточнымъ изъясненіемъ этихъ словъ св. Дамаскина служить ученіе, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца».

«Кто же возражаетъ противъ этого? отвѣчали архидіаконы. И мы говоримъ то же самое и въ соблюденіи этой истины полагаемъ надежду на спасеніе».

«А если вы принимаете это толкованіе словъ св.

Дамаскина, то за чѣмъ же вамъ было выставять другое ихъ толкованіе?» возразилъ имъ великій логоветъ.

«Этого требовали обстоятельства времени, — необходимо было успокоить народъ», — отвѣчали архидіаконы».

«А теперь», прибавилъ къ этому Веккъ, «мы пожалуй уступимъ вамъ это изреченіе, если вы находите его нѣсколько смѣлымъ; мы настаивали на немъ потому лишь, что оно давало намъ возможность оправдываться въ преступленіи, въ которомъ вы насъ обвиняли, — именно: будто мы искажаемъ здоровое ученіе. Тебя, великій логоветъ, столь хорошо знакомаго съ основами здраваго сужденія, я умоляю благосклонно меня выслушать».

«Пожалуйста безъ лести!» прервалъ его Музалонъ.

«Я и не думалъ льстить, отвѣчалъ ему Веккъ, — я прошу лишь вниманія къ тѣмъ сравненіямъ, которыя имѣю предложить для объясненія возвышенныхъ тайнъ, которыя другимъ путемъ не могутъ быть объяснены достойнымъ ихъ образомъ. И впрочемъ не позволю себѣ приводить здѣсь никакихъ другихъ сравненій кромѣ тѣхъ, которыя я нахожу въ твореніяхъ отцовъ церкви. Они говорятъ, напр., что солнце, лучъ и свѣтъ служатъ образами этого таинства, которое впрочемъ не имѣетъ себѣ точнаго подобія. У нихъ же я встрѣчаю и другое сравненіе — съ источникомъ, водой и потокомъ. Лучъ непосредственно исходитъ отъ солнца, но въ то же время исходитъ и свѣтъ, прежде чѣмъ лучъ будетъ замѣченъ глазами. Спрашивается: что же служить причиною свѣта — лучъ или солнце? На это разсужденіе наводитъ меня св. Григорій Нисскій,

когда говорить, что «мы различаемъ между тѣмъ, что *отъ* причины, и тѣмъ, что *чрезъ* причину. Ибо то — непосредственно *отъ* перваго, а это *чрезъ* то, что непосредственно *отъ* перваго (1).

«Такъ ты не признаешь Духа Святаго, непосредственно соединеннымъ съ Отцомъ, какъ Сына? возразилъ ему патріархъ со своими сторонниками. Чьи же уши могутъ вынести такія рѣчи? О Сынѣ говорятъ, что Онъ непосредственно съ Отцомъ, а о Духѣ— что Его отдѣляетъ отъ Отца какое то пространственное разстояніе! Не бессмыслица ли это? Ибо если Господь сказалъ: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ*; то съ такимъ же правомъ можно сказать то же самое и о Святомъ Духѣ. Если мы хотимъ быть православными, то должны говорить, что Духъ Святой во Отцѣ и Отецъ во Св. Духѣ, равно какъ, что Духъ Святой въ Сынѣ и Сынъ во Св. Духѣ».

«Совершенно справедливо, отвѣчалъ Веккъ, и вполне рационально признавать, что Духъ Св. не отдѣленъ ничѣмъ отъ Отца, что Онъ соединенъ съ Нимъ непосредственно, какъ свѣтъ — если позволено мнѣ будетъ возвратиться къ прежнему сравненію,—непосредственно соединенъ съ солнцемъ. Противъ этого я не спору. Но нельзя сказать, что Духъ Святой непосредственно отъ Отца, поелику св. Григорій говорить, что Сынъ непосредственно отъ Отца, а что Духъ Святой отъ Того, Кто непосредственно отъ Отца». Что же касается пространственнаго, или временнаго разстоянія, которое, по вашимъ словамъ,

(1) ...ὁ Νέστωρ Γρηγόριος λέγων τοῦ δὲ ἐξ αἰτίας ὄντος, τοῦτέστι τῶν αἰτιατῶν, πάλιν ἄλλην διαφορὰν ἐννοοῦμεν τὸ μὲν γὰρ προσεχῶς ἐκ τοῦ πρώτου, τὸ δὲ διὰ τοῦ προσεχῶς ἐκ τοῦ πρώτου.

вводится будто бы нами между Отцомъ и Св. Духомъ, то это такая нелѣпность, которой и опровергать не стоить. Правда, когда говорится, что Сынъ рождается отъ Отца,—то этимъ дается понять, что тутъ дѣло идетъ о плотскомъ выдѣленіи и разлученіи одного отъ другого, но когда къ этому присовокупляется, что Онъ рождается нераздѣльно (*ἀσπασταῶς*), то этимъ ясно показывается, что хотя Сынъ и отъ Него, но не такъ, чтобы отдѣлялся отъ Него. Такъ же точно представляемъ мы и отношеніе между Отцомъ и Духомъ Святымъ. Но для большей точности обратимся опять къ сравненію. Мы говоримъ, что свѣтъ исходитъ изъ солнца при посредствѣ луча, но въ тоже время мы не отрицаемъ того, чтобы свѣтъ не быть соединенъ съ солнцемъ посредствомъ луча. Вотъ почему святой (Григорій Нисскій) присовокупилъ, что *посредничество Сына въ одно и тоже время и Его свойство Единороднаго сохраняетъ и не отнимаетъ у Духа связи съ Отцомъ* (').

На это патріархъ Александрійскій замѣтилъ ему со своихъ послоекъ: «мы хранимъ ученіе церкви въ томъ видѣ, въ какомъ его приняли; а говорить такъ, какъ вы говорите, мы не научены. Если бы церковь содержала это въ болѣе пространномъ видѣ, то всеконечно не скрыла бы и отъ насъ. А поелику она держитъ вѣру просто и безхитростно (*ἀπειρογως*), то и мы будемъ также точно хранить догматы вѣры, въ которыхъ мы воспитаны: и къ чему вы усиливаетесь вводить въ церковь Божию то, чего мы не приняли

(') Διὰ τοῦτο καὶ ἐπιφέρει ὁ ἅγιος τῆς τοῦ υἱοῦ μεσιτείας καὶ αὐτῶς τὸ μονογενὲς φιλαττοῦσης, καὶ τὸ πνεῦμα τῆς τοῦ πατρὸς σχέσεως μὴ ἀπειρογούσης.

говорить? Оставьте все это, и тогда миръ между нами и вами установится».

«Но мы говоримъ все это потому, Владыка, что насъ обвиняють въ ереси», сказали они.

«И справедливо поступаютъ, отвѣтилъ Аѳанасій; всякое необычное нововведеніе, хотя бы то и безопасное, можетъ считаться ересью; и потому я снова увѣщаваю васъ—присоединитесь къ общему мнѣнію и миръ легко возстановится при посредничествѣ святаго царя нашего (1)».

Въ томъ же направленіи шли пренія и дальше. Обѣ стороны старались перецеголять одна другую діалектическими тонкостями и вълѣдствіе этого постоянно уклонялись въ сторону, стараясь не о томъ, чтобы общими усиліями выяснить предметъ спора, а о томъ, чтобы поставить на своемъ. Между прочимъ Веккъ, отклоняя отъ себя упрекъ въ ереси, оборотилъ этотъ упрекъ къ самимъ же членамъ собора и, когда патріархъ отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ потребовалъ доказательствъ, вынулъ изъ-за пазухи одну рукопись и, прочитавши изъ ней нѣсколько словъ, спросилъ Григорія: «какъ онъ находитъ высказанныя авторомъ мысли»? Патріархъ призналъ ихъ еретическими; то же подтвердилъ великій логофетъ и другіе. Великій хартофилакъ Мосхампаръ, оказавшійся авторомъ злополучной рукописи, началъ говорить что-то въ свою защиту; но Веккъ, довольный тѣмъ, что ему удалось озадачить своихъ противниковъ, прервалъ его и съ улыбочкой сказалъ патріарху: «мы думали, что это твое сочиненіе, а если оно принадлежитъ этому господину, какъ онъ самъ сознался, то

(1) Pashum. lib. I. c. 35 p. 90—103.

намъ нѣтъ до него дѣла, — это блоха на дышлѣ, которая не можетъ ни поднять, ни опустить козель колесницы (1)».

Въ заключеніе спора Веккъ предложилъ слѣдующій проектъ соглашенія: «если позволите, я откровенно выскажусь относительно раздѣляющаго насъ пререканія, такъ какъ я столь же искренно желаю мира, какъ и вы. Мы, по обстоятельствамъ времени, приводили мѣста изъ твореній отцевъ церкви, считая ихъ твердо обоснованными (*ἀσφαλῶς ἔχοντα*) и православными. Посему мы принимали и приѣмлемъ и того, кто исповѣдуетъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца, ибо это изреченіе (*ἐξ ἑος*) Самаго Господа и собора (2) и сами мы въ каждый день то же самое исповѣдуемъ (3). Но въ то же время мы приѣмлемъ и того, кто говоритъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, такъ какъ онъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ цѣлому седьмому вселенскому собору (4): а кто не чтитъ из-

(1) Φύλλα τις ἐπικαθίσασα τῷ τῆς ἀμάξης ῥυμίῳ οὐτ' ἀναστάν οὕτε καταστάν ἔχει τῷ περὶ τῆς. Игра обоюдностью значенія слова Μοσχάμπρ.

(2) Второго вселенскаго.

(3) Читая символъ Никео-цареградскій.

(4) Веккъ разумѣетъ окружное посланіе св. Тарасія къ патріархамъ Александрійскому, Антиохійскому и Іерусалимскому, которое было читано на VII всел. соборѣ и присоединено къ его актамъ. Въ этомъ посланіи между прочимъ читались по рукописи, бывшей въ рукахъ Векка слѣд. слова: καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, τὸ ἐκ πατρὸς δι' Υἱοῦ ἐκπορευόμενον, καὶ αὐτὸ Θεὸν εἶναι ὑποριζόμενον. Кроме Векка эти слова цитовали: Никифоръ Влемидь Orat. 1 и 24 26 (Graeciae Orthodoxae t. 1 p. 31—38). Константинопольскій Мелетиниотъ Orat. 1. (Ibid t. II. p. 695—696), Георгій Метохитъ съ Максимомъ Планудисомъ (Ibid p. 924. sq.), Мануилъ Калекъ Lib. I. p. 386. Lib. VI p. 442 sq., Андрей Родосскій въ 7 засѣданіи елорентинскаго собора (Hard. IX. 100) Виссаріонъ Никейскій (Ibid. p. 344), Іосифъ Мевонскій (Ibid p. 574), Григорій Протосинакель (Ib. p. 623) и Левъ Азьяцій (contra Hotting. c. 20 p. 521. Virgic. Syn. Ephesineae c. 48 p. 263). Но на елорентинскомъ соборѣ въ рукописномъ кодексѣ, выходящемся въ рукахъ латинякъ, вѣсто

реченій отеческихъ, того мы считаемъ дерзновеннымъ. Вотъ, въ настоящую минуту, здѣсь присутствуютъ патріархи, епископы и весь клиръ, равно какъ и почетнѣйшіе изъ мірянъ. Я желаю вступить въ общеніе съ вами, признавая васъ за православныхъ, предпочитаю даже раздѣлить вмѣстѣ съ вами и осужденіе отъ правосуднаго судіи.—Бога, если вы уклонились въ чемъ либо отъ православія, чѣмъ оберегать собственную безопасность. И хотя настойчивость, съ какою вы требуете отъ меня и отъ моихъ товарищей, чтобы мы отвергли отеческій догматъ, имѣющій за себя столь почтенную древность и столь многими уважаемый, между тѣмъ какъ сами вы не обращаете на него ни малѣйшаго вниманія, и кажется мнѣ не основательною.—поелику я всячески остерегаюсь какъ бы не уклониться мнѣ отъ чистоты православія,—тѣмъ не менѣе я готовъ отказаться отъ своего мнѣнія, всецѣло присоединиться къ вамъ и быть вашимъ ученикомъ. Ведите меня, куда хотите: я всюду послѣдую за вами, если вы будете предшествовать мнѣ своимъ примѣромъ. Пусть будетъ составлено опредѣленіе (*ἐκτεθέντες τῆς*), пусть будетъ отмѣненъ этотъ догматъ, пусть будетъ отвергнуто слово: *чрезъ Сына*, если хотите. И если я не послѣдую за вами—хотя я очень хорошо знаю, какъ опасно подобное пренебреженіе къ изреченіямъ отеческимъ,—то беру на себя одного отвѣтственность въ чемъ бы меня за это не обвиняли—въ измѣнѣ-ли убѣжденію, или въ ереси, такъ какъ— снова повторяю это— и предпочитаю быть оправдан-

словъ δι' υἱοῦ стояли слова ἐκ υἱοῦ, а въ кодексѣ, находившемся въ рукахъ грековъ, не овазалось ни тѣхъ ни другихъ словъ. Vid. Н. ἄγιος καὶ οἰχομενικὸς ἐν Φλωρεντίᾳ σύντομος. Ев Рѣмѣ. 1865 г.)

нымъ или осужденнымъ вмѣстѣ съ вами. Но если вы затрудняетесь это сдѣлать, возлагая на насъ однихъ всю тяжесть отвѣтственности за подобное дѣло, то въ свою очередь, развѣ мы не имѣемъ основанія, — скажу болѣе — развѣ не вынуждаемся, въ виду вашихъ опасеній и колебаній, и сами бояться, какъ бы намъ однимъ не подвергнуться опасности, если мы одни рискнемъ сдѣлать это?».

«Но вѣдь мы ничего объ этомъ не писали, возразили имъ сторонники Григорія. Вѣдь вы одни писали объ этомъ и вызвали все это броженіе. Вамъ однимъ нужно и отказаться отъ всего этого. И что же вамъ мѣшаетъ сдѣлать это?»

«Рискните вы первые на это, отвѣтилъ Веккъ со своими товарищами. Этимъ вы уврачуете немощную совѣсть братій вашихъ и приобрѣтете ихъ для себя».

Затѣмъ разговоръ снова сбился на колкости; взаимное раздраженіе возросло до того, что Веккъ, обратившись къ императору, громко и рѣзко сказалъ, что волненіе въ церкви не успокоится до тѣхъ поръ, пока Григорій будетъ занимать патріаршій престолъ».

Андроникъ, безмолвно и неподвижно сидѣвшій до сихъ поръ, страшно вспыхнулъ при этой выходкѣ Векка. Не владая собой, онъ всталъ съ своего трона и, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, сказалъ, обратившись къ Векку и его товарищамъ: «вы находите, что церковь еще недостаточно страдала? Вамъ мало ея прежнихъ напастей, и вы снова хотите замутить ее? Вы хотите поставить ее между двумя огнями — между нападками раскольниковъ съ одной стороны и вашими собственными вздорными разглагольствованіями (*evangelium*) съ другой. Вы хотите, чтобы единая и нераздѣльная

церковь, за которую Христосъ пролилъ свою кровь, была растерзана своими собственными чадами?»...

Долго и хорошо говорилъ императоръ, замѣчаетъ нашъ историкъ. Онъ былъ истинно краснорѣчивъ въ эту минуту; но тщетно сыпалъ онъ цвѣты своего краснорѣчія. Они не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія и ни на волосъ не измѣнили враждебнаго настроенія присутствовавшихъ. «Это отъ того, заключаетъ историкъ, что не о Божіей правдѣ заботились присутствовавшіе, а всякой нарвилъ поставить свою правду» (1).

Дѣло кончилось тѣмъ, что Веккъ и его сподвижники, не хотѣвшіе отступиться отъ своихъ убѣжденій, были осуждены, какъ еретики, и за упорство въ ереси—заключены въ крѣпость св. Григорія, въ которой, за два года предъ тѣмъ, томилась знаменитая Евлогія.

Этотъ неожиданный эпизодъ изъ исторіи ліонской уніи, которую все считали уже окончательно сданною въ архивъ, завязалъ первый узелъ въ длинной цѣпи непріятностей и тревоженій, разразившихся надъ патриархомъ Григоріемъ и осложнившихъ церковныя смуты и нестроенія новымъ яблокомъ раздора къ великой радости арсенитовъ

«Удалившись со сцены, Веккъ, по словамъ Пахимера, оставилъ по себѣ ничто подобное тому, что оставляютъ въ тѣлѣ ужаленнаго человѣка пчелы послѣ своего удаленія» (2). Жгучей болячкой засѣли въ душѣ его противниковъ его доводы въ свою защиту, представленные на диспутъ. Они не могли не

1, Pachym. lib. I. c. 35 p. 90—102

(2) Pachym. lib. II. c. 1 p. 108.

сознавать, что безусловно отвергнуть эти доводы еще не значить опровергнуть ихъ. Особенно смущалъ ихъ его доводъ, основанный на пзвѣстномъ изреченіи св. Дамаскина. Хотя патріархъ Григорій и заявилъ на диспутѣ, что вполне достаточнымъ изъясненіемъ этого изреченія служить ученіе, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца; но, послѣ спокойнаго обсужденія дѣла, его сторонники находили это изъясненіе недостаточнымъ, такъ какъ оно обходило вопросъ, а не разрѣшало его. И потому они не могли успокоиться до тѣхъ поръ, пока не отыщутъ такого объясненія словъ св. Дамаскина, которое было бы, съ одной стороны, противно объясненію Векка, съ другой—согласно съ мыслью св. Дамаскина. На предположеніи Мосхампара на счетъ подложности этого изреченія, основанномъ на отсутствіи его въ нѣкоторыхъ экземплярахъ твореній св. Дамаскина, они не могли успокоиться потому, что это изреченіе буквально читалось въ *Ἔκτα Οὐλοδότης*, какъ подлинное, съ той только оговоркой, сдѣланной на полѣ автографа рукою самого императора Мануила Комнина, что «св. Дамаскинъ не говоритъ здѣсь, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына, а что Онъ исходитъ чрезъ Сына и чрезъ Слово» (1). Притомъ было и другое обстоятельство, удерживавшее ихъ отъ принятія предположенія Мосхампара: въ той же главѣ, гдѣ находилось это изреченіе св. Дамаскина, было другое изреченіе, чрезвычайно имъ благопріятствовавшее. Вотъ это изреченіе: «мы не говоримъ, что Духъ отъ Сына» (2). Такимъ образомъ отверженіе подлинности перваго изреченія повлекло бы за собою

(1) Ὅτι οὐκ ἔξ υἱοῦ ἀλλὰ διὰ λόγου τὸ καὶ υἱοῦ ὁ θεολογῶν ἀπεφάνηται.

(2) Ἐκ τοῦ υἱοῦ δὲ τὸ πνεῦμα οὐ λέγομεν.

отверженіе подлинности и другого и, слѣдовательно, лишило бы ихъ одного изъ самыхъ сильныхъ оружій противъ Векка. Между тѣмъ признаніе подлинности того и другого давало имъ въ руки обоюдоострый мечъ, который одной своей стороною поражалъ латинянъ, другой ихъ защитниковъ, основывавшихъ свою защиту на тождествѣ предлоговъ *ἐκ* и *διὰ*. Отрицающае исхожденіе Св. Духа отъ (*ἐκ*) Сына, св. отецъ тѣмъ самымъ отвергалъ и исхожденіе Его чрезъ (*διὰ*) Сына, и такимъ образомъ защитникамъ латинянъ преграждалась возможность оправдывать ихъ чрезъ отождествленіе обоихъ предлоговъ... Вслѣдствіе этого соображенія они находили нужнымъ признать подлинность всей главы, въ которой находились оба эти изреченія, и лишь озабочивались изъясненіемъ ихъ въ православно́мъ смыслѣ. А такъ какъ никто не могъ разрѣшить этой задачи лучше патріарха Григорія, который былъ ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени, то они и стали осаждать его просьбами взять на себя этотъ трудъ, долженствовавшій, по ихъ соображеніямъ, служить для потомства столпомъ православія (*πύλον ἐπιστατήριον*) и обличеніемъ для уклонившихся отъ него. Патріархъ дѣйствительно принялся за дѣло и написалъ превосходное сочиненіе (*γενναίου τέρον*), въ которомъ разбиралъ и опровергалъ противниковъ по пунктамъ.

Тѣмъ же Григорія былъ сначала прочитанъ громко въ церкви съ амвона и потомъ подписанъ царемъ, патріархомъ, сорока двумя епископами и двадцатью восемью клириками (1).

(1) Pashut. lib. II, c. I, p. 108—111. Сохранилось ли это произведеніе Григорія до нашего времени—неизвѣстно. По заглавію, ему, по видимому, соответствуетъ 'Ο Τέροντος κυρίου συνόδι, ἡτοι ἐξῆλθ' Ορθοδοξίας, занимающей по словамъ Ламбеція (V t. Comment), num. 3. въ руко-

Но этому произведенію патріарха, долженствовавшему, по мысли его сторонниковъ, служить непоколебимымъ памятникомъ православія, суждено было послужить новымъ камнемъ претыканія не только для враговъ Григорія, но и для многихъ и притомъ ближайшихъ его друзей и почитателей.

Началось съ того, что нѣкоторые изъ клириковъ отказались подписать *Томосъ* подъ тѣмъ предлогомъ, что боятся подвергнуться за свою подпись неприяностямъ и напастямъ, въ родѣ тѣхъ, которыя разъ они уже и испытали отъ «ревнителей», не смотря на то, что подпись (вѣроятно къ акту уніи, или другому съ нимъ аналогическому), за которую они подверглись этимъ напастямъ, была сдѣлана ими не добровольно, а по принужденію. Что если настанетъ такое время, когда признано будетъ нужнымъ отмѣнить то, что теперь постановляется, и осудить сочиненіе, которое теперь заставляютъ насъ одобрить, — чѣмъ мы будемъ тогда гарантированы отъ наказанія? — спрашивали они и, нужно сознаться, опасенія, внушавшія имъ этотъ вопросъ, были вполнѣ основательны, какъ показали послѣдствія. Тщетно патріархъ и другія, скрѣпившія *Томосъ* своею подписью, власти и лица, старались растолковать имъ, что между тогдашнимъ ихъ

пискомъ греческомъ сборникѣ императ. Вѣнской библиотеки за № 269, но такъ какъ по начальнымъ словамъ, приведеннымъ у Ламбеція, онъ тождественъ съ *Εὐθείας τῆς τριτῆς*, изданнымъ Бандуріемъ въ II-мъ томѣ его *Imperium Orientale*, то и нужно признать его за одно и тоже произведеніе съ этимъ послѣднимъ. Между тѣмъ Бандурій отличаетъ *Εὐθείας* отъ *Томосъ*, какъ два разные произведенія Григорія (р. 650). Отрывки изъ него цитуются у Вриеннія въ 4 *Orat. de Trinitate*, у Аалаяція въ его *Vindiciae Synodi Ephesinae* и особенно у Векка въ его трактатахъ противъ *Томосъ* — а, напечатанныхъ въ II т. *Grassiae Orthodoxae Aeliciae*. Эти отрывки значительно рознятся съ текстомъ *Εὐθείας* — а и так. обр. подтверждаютъ мнѣніе Бандурія.

согласіемъ на унію и нынѣшней подписью существуетъ громадное различіе,—что тогда они присоединились къ дѣлу, завѣдомо не законному, и одобрили ученіе несомнѣнно еретическое, а теперь требуютъ ихъ подписей къ акту, совершенно законному, и къ ученію, вполнѣ православному,—они остались при своемъ и, вслѣдствіе этого, были лишены своихъ должностей и званій. Нежеланіе подписать опасный документъ было истолковано въ смыслѣ желанія остаться вѣрными своей унії съ латинянами.

Осужденные энергически отвергали это толкованіе, какъ совершенно произвольное и несправедливое, и признались, что ихъ соблазняетъ въ Тѣмосѣ-ѣ патріарха объясненіе словъ св. Дамаскина, которыя Веккъ приводитъ въ свое оправданіе и въ своихъ сочиненіяхъ и во время устныхъ преній на соборѣ въ Алексѣевскомъ триклиніѣ. Вотъ это объясненіе: «если у великаго богослова Дамаскина встрѣчается выраженіе, что Отецъ есть Изводитель Духа чрезъ Сына, то это выраженіе имѣетъ цѣлю объяснить не исхожденіе Духа а Его вѣчное возсіаніе» (1). Они говорили, что не понимаютъ этого объясненія, и просили объяснить имъ различіе между исхожденіемъ и возсіаніемъ, тѣмъ болѣе, что святые отцы безразлично называютъ иногда *возсіаніемъ* какъ *рожденіе* Сына, такъ и *исхожденіе* Духа отъ Отца, и слѣдовательно принимаютъ ис-

(1) Εἰ δὲ καὶ παρὰ τῷ θεολογικωτάτῳ Δαμασκηνῷ τὸ διὰ λόγου εὑρηται προβόλευς, οὐ τὴν εἰς τὸ εἶναι καθαρῶς τοῦ πνεύματος πρόδον ἢ λέξις δηλοῦν βούλεται, ἀλλὰ τὴν εἰς αἰδίου ἔκφανσιν. Pachyni. lib II, c. 1. p. 113. Буквально его мство изъ Тѣмоса, если вѣрить Вриеннію (de Trinitate), со словъ котораго цитуетъ его Аляціи въ своихъ Cindiciae Synodi Ephesinae, cap. 60, читалось такъ: εἰ γὰρ διὰ τοῦ Υἱοῦ παρὰ τῶν λογίων ἐκπορεύεσθαι τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐρηται τὴν εἰς αἰδίου ἔκφανσιν ἢ λέξις ἐνταῦθα, οὐ τὴν εἰς τὸ εἶναι καθαρῶς σημαίνειν βούλεται πρόδον.

хождение и возсіаніе за одно и то же. Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ согласились подписать *Тόμος*, если патріархъ и епископы дадутъ имъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что имъ не угрожаетъ за это никакая опасность, для того, чтобы они могли впоследствии оправдать свою подпись, если не въ глазахъ людей, то по крайней мѣрѣ предъ Богомъ, и когда требуемое удостовѣреніе было имъ дано, они подписались (1).

Пока происходили описанныя нами затрудненія съ подписями *Тόμος-α*, документъ этотъ попалъ какими то судьбами въ руки Векка и встрѣтилъ въ немъ самаго злаго критика. Веккъ нашелъ въ немъ придраться ко многому, но главнымъ образомъ попалъ на то же мѣсто въ сочиненіи Григорія, которое послужило камнемъ преткновенія и для упомянутыхъ выше клириковъ. Онъ находилъ, что если слово «Исводитель» и дѣйствительно имѣетъ различное значеніе—иногда означаетъ Виновника, иногда Посылателя, или просто Сообщителя (Св. Духа), то слова «исхождение» и «вѣчное возсіаніе», во всякомъ случаѣ, означаютъ одно и то же (2), и, нависавши «окружное посланіе» въ опроверженіе *Тόμος-α*, отдалъ своимъ друзьямъ для распространенія въ константинопольской публикѣ (3).

(1) Pashyus. lib. II. c. 1 p. 113—114.

(2) Ταύτην δε μάλιστα τὴν ἐξηγήσειν μὴ καλῶς ἔχουσαν τῆς ἐνοίας ἐπειρᾶτο δοκῆσαι, ὡς ἡ μὴ ὁμωνυμιζομένου διδεν τοῦ προβολέως καὶ ποτὲ μὲν εἰς αἴτιον ἐκλαμβάνομένου ποτὲ δὲ εἰς δότην καὶ χορηγὸν τε καὶ ἀπλῶς παροχέα, ἢ εἰ μέλλοι ἀπλοῦν τὸ προβολέως συντηρεῖσθαι, μιᾶς ἐνοίας δηλωτικὰς εἶναι ἀνάγκη καὶ ἀμφοτέρως τὰς λέξεις τὴν τε εἰς τὸ εἶναι πρόσδον καὶ τὴν εἰς αἴτιον ἔκφρασειν, καὶ οὕτως εἰς ταυτὸν συντρέχειν ἐκείνῳ τὸν ὡς διδεν διαφερόμενον. Ibid. lib. II c. 2 p. 114.

(3) Объ этомъ сочиненіи Векка мы узнаемъ лишь изъ письма Григорія Кипрекаго къ императору Андронику (См. Христ. Чтен. за 1870 г. сентябрь, стр. 512). Хотя ученый издатель этого письма Мат-

Враги Векка, по словамъ Пахимера, отнеслись къ его произведенію весьма презрительно. Это однакожь не помѣшало ему распространиться по всему городу и произвести всеобщее броженіе (1). Лица, не заинтересованныя въ личныхъ отношеніяхъ Векка къ Григорію, заинтересовались самымъ вопросомъ, который дебатировался между двумя противниками. Многие, говоритъ историкъ, возгорѣлись желаніемъ самостоятельно изслѣдовать этотъ вопросъ, чтобы не быть поставлену въ опасность увлечься въ заблужденіе вслѣдъ за другими. Это желаніе особенно сильно обнаружилось въ тѣхъ, которые подписали *Тѣмос* не по убѣжденію, а по природной податливости, и положившись на авторитетъ другихъ (2).

Но нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ приступили къ дѣлу съ тѣмъ же предубѣжденіемъ противъ патриарха Григорія, съ какимъ и Веккъ, хотя и по другимъ основаніямъ. Въ числѣ ихъ историкъ прежде всего упоминаетъ о великомъ хартофилакѣ Эскамма

тіа и думаетъ, что Фабрицій въ своей *Bibl. Gr.* (t. XI, p. 347, ed. Parl.) упоминаетъ объ этой энцикликѣ со словъ Николая Комнина Паподополи (въ его *Grænotiones mystagogicæ ex jure canonico*, Patav. 1696), но и Фабрицій и Паподополи и самъ Веккъ въ своихъ замѣткахъ о своихъ сочиненіяхъ (у Алляція въ его *Gr. Orthodoxæ*, t. II, p. 7) говорятъ только о „третьемъ сочиненіи“ (кромя двухъ напечатанныхъ у Алляція) Векка противъ Григорія, не называя его по имени, такъ что есть еще мѣсто сомнѣнію, дѣйствительно ли разумеютъ оня подъ этимъ „третьимъ сочиненіемъ“ викикляву. Что же касается предположенія Маттіа, что упоминаемая здѣсь энциклика появилась осенью 1278 г., то мы не имѣемъ основанія ни отвергать, ни принимать его, такъ какъ наши источники даютъ намъ на этотъ счетъ самыя шаткія и неопредѣленные указанія.

(1) Этотъ фактъ подтверждаетъ и самъ Григорій Кипрскій въ цитованномъ выше письмѣ своемъ къ императору Андронику Старшему (Христіан. Чтен. за 1870 г. Сентябрь, стр. 512—513).

(2) *Rachum. lib II. c. 11. p. 115.*

тисменѣ, преемникѣ Георгія Мосхампара. Къ нему присоединился и его предшественникъ Мосхампаръ съ товарищемъ своимъ Пентеклисіотомъ. Оба они не долго предъ тѣмъ разошлись съ патриархомъ изъ-за какихъ то пустяковъ и, отрекшись отъ дружбы съ нимъ, сложили съ себя и свои должности. Теперь они вздумали воспользоваться представившимся случаемъ и выместить свою досаду и злость на своемъ прежнемъ союзникѣ и покровителѣ. Не имѣя возможности напасть на его личность, они напали на его книгу (Γόρως). Критика Векка нанесла уже ей сильный ударъ въ глазахъ многихъ. Оставалось лишь добить ее. Но, какъ и слѣдовало ожидать, нападая на книгу патриарха, они тщательнo отклоняли отъ себя подозрѣніе въ томъ, что они дѣлаютъ это изъ личныхъ счетовъ съ нимъ, а старались увѣрить всѣхъ и каждого, что водятся единственно желаніемъ возстановить истину.

Понятно, что искатели истины, приступившіе къ своему исканію съ такими предрасположеніями къ патриарху, не могли не превратиться въ жаркихъ его противниковъ,—что дѣйствительно и случилось. Что и какъ писали эти новые противники патриарха противъ его книги, мы не знаемъ, потому что ихъ сочиненія не дошли до насъ ⁽¹⁾; но вотъ какъ описы-

(1) Аллаций въ своемъ изслѣдованіи de Georgiis говоритъ: Multa in latinam ecclesiam, illiusque dogmata monumentis editis oblatravit, (т. е. Мосхампаръ) quibus Joannes Vercus patriarcha constantinopolitanus docte respondens, tanti nebulonis impetum fastumque compressit. Ego neque Moschanparis scripta, neque Ioannis responsiones vidi, id tamen habeo ab eodem patriarcha Ioanne, ex libro, cui ipse titulum fecit: ἐπιστημείωσις τῆς τῶν ἀλασῶν αὐτοῦ βιβλίου, καὶ γραφῶν ἀσμφόνιας. Et incipit: καὶ τὴν παρούσαν δεῖξαι δὲ βιβλίον. Fabricii. Bibl. Gr. t. VII p. 47. ed. Harl. Въ цитуемомъ Аллациемъ сочиненіи (Græciæ Orth. t II). Веккъ трижды упоминаетъ о сочиненіяхъ своихъ противъ Мосхампара (на стр. 3, 9 и 11); но не называетъ ни ихъ ни сочиненій Мосхампара, противъ которыхъ онъ былъ направленъ.

валъ ихъ самихъ Григорій въ письмѣ къ своему любимцу Іоанну, митрополиту ефесскому: «возстали среди насъ мужи, глаголющіе развращенная, и слову благочестія предстоитъ теперь борьба не съ дѣлами и словами Векка и не съ лицами, приобщившимися къ этимъ словамъ и дѣламъ и ратующими за нихъ; ибо извѣстный тебѣ краткій *Терос* охватилъ тѣ и другія, какъ пламень громадную кучу хвороста, и истребилъ ихъ до конца; нѣтъ, — теперь предстоитъ борьба въ другомъ родѣ: люди, повидимому возстававшіе противъ упомянутыхъ враговъ церкви, по глупости увлекли догматъ изъ одной пронасти въ другую. Недавно еще, или по крайней мѣрѣ не очень давно, никогда ничего путнаго (*ὄφελος*) не выдумавшій и не сказавшій Эскаматисменъ сильно замолодъ языкомъ (*παλιός ἐν γλώσσῃ γυναικῶν*), понесъ всякую сумасбродную и вздорную чепуху (*τὰ τὰ μανθῶδη, κίττω καὶ ὀκλιχία καὶ παρὰ ἄλλοις ὀφθαλμοῖς*) и возмутилъ покой церкви и нашъ собственный, а теперь является на сцену другой дуралей (*καλός*), ни въ чемъ не уступающій первому. Цевѣжественный, пустой и дураковатый (*ἀγροίκος καὶ κούφος καὶ ἐπιθῆς*) Мосхампаръ внесъ въ область богословія какія то варварскія бредни (*βλαστημίας*) и дѣтскія толкованія и замутилъ ими чистый источникъ священныхъ догматовъ, точно божественные отцы, потрудившіеся надъ разъясненіемъ этихъ догматовъ, лишь по пусту время тратили. Со своей стороны, я по прежнему не принимаю никакихъ мѣрѣ противъ этаго стараго ребенка (*υπερόρεσα τούτου γέροντα*); онъ отбилъ отъ рукъ и отъ словъ моихъ, да никогда и не былъ способенъ понять и принять ни одного умнаго совѣта, по своей ограниченности и тупоголовію. За то для кузнецовъ,

валяльщиковъ. портныхъ. сапожниковъ и другихъ ремесленниковъ онъ — золотой человекъ и дѣлаеть съ ними что хочетъ, по пословицѣ: рыбакъ рыбака видитъ изъ далека (1). Прискорбно мнѣ это; да и какъ же иначе? Поневолѣ заболитъ душа, когда слышишь такія страшныя богохульства, когда видишь, что церковь не только не избѣгла отъ ересей, а напротивъ, подвергается опасности попасть изъ огня въ подымя и притомъ во время божественнаго объ ней промысленія (ἐν κηρόν καὶ τούτοις τῆς πατρὸς ἀποστολικῆς τοῦ Θεοῦ). Но что особенно прискорбно, такъ это то, что къ этому пагубному дѣлу (φθέρῃς) пристали нѣкоторые изъ такихъ лицъ, отъ которыхъ мы вовсе этого не ожидали. Чѣмъ они увлечены въ это дѣло я не буду допытываться, предпочитая прикрыть ихъ стыдъ и позоръ покровомъ тайны. Можетъ быть не ошибся бы тотъ, кто отнесъ бы это на счетъ ихъ невѣжества, бездѣлья и совершеннаго незнакомства съ словами Духа. Впрочемъ, къ чему мнѣ объ этомъ распространяться? Поспѣши сюда самъ для утверженія непорочной вѣры христіанской (2)».

Въ числѣ лицъ, примкнувшихъ къ Эскамматисмену и Мосхампару оказались Даніиль Кизическій и Θεолентъ филиладельфійскій и самъ Іоаннъ ефесскій, котораго такъ довѣрчиво звалъ къ себѣ на помощь Григорій. Θεолентъ былъ другомъ великаго догматиста, а Іоаннъ и Даніиль были любимцами патри-

(1) τὸ ἴσμιον τῆ βρομῆ προτοίχοντος. Пословица, соответствующая латинской: *similis similibus gaudet*

(2) *Ἰστορικὰ σχίσματα*, т. л. 88—89. Письмовзто, извѣщенное о. Андроникомъ Дамитракопуломъ изъ рукописнаго сборника Ввнскои библиотеки за № 67, занимаетъ въ ряду другихъ писемъ этого сборника 178 мѣсто.

арха (1). Историкъ говоритъ, что эти епископы, читая сочиненіе Григорія, въ самомъ же началѣ не одобряли сдѣланнаго имъ изъясненія извѣстныхъ словъ св. Дамаскина, но тогда находили, что и приличіе и благоразуміе и здравый разумъ не дозволяютъ имъ возражать патриарху. Теперь и они рѣшились выступить съ полемикой противъ него.

Но какъ повести эту полемику? Доказывать, что патриархъ несправедливо различаетъ между исхожденіемъ и возсіяніемъ, значило бы доказывать тождество этихъ двухъ актовъ, т. е. то же самое, что доказывалъ Веккъ, имъ казалось не удобнымъ, хотя многіе изъ нихъ, при болѣе спокойномъ и безпристрастномъ изученіи догматическихъ произведеній бывшаго патриарха, пришли къ убѣжденію, что онъ заслуживаетъ порицанія не за искаженіе догматовъ вѣры, а за тѣ бѣдствія, которыхъ былъ виновникомъ (2). И такъ, они рѣшились напасть на него съ другой стороны, —именно, они напали на его изъясненіе слова «Изводитель». Григорій принималъ это слово въ смыслѣ Подателя, а они находили, что оно должно означать Виновника, такъ какъ спеціально

(1) Между не изданными доселѣ письмами Григорія есть одно, адресованное къ монахамъ Іоанну Хвалъ и Даниилу *Ἐν τῇ Ὀστρεδῶτι* (Uid. Des Patriarchen Gregorius aus Cypern Selbstbiographie. von D. T. C. Matthiae. Frankfurt in Mayn. 1817 S. 24). Если эти два монаха—одно и то же съ Іоанномъ Хилою Ефесскимъ и Данииломъ Кизическимъ—въ чемъ едва ли можно сомнѣваться—то знакомство и дружба ихъ съ Григоріемъ должны быть отнесены ко времени, предшествовавшему вступленію его на патриаршій престолъ. По всей вѣроятности своей давнишней дружбѣ съ Григоріемъ они были обязаны и возведеніемъ своимъ въ санъ епископовъ.

(2) *Δοχεῖν γὰρ τοῖς πολλοῖς ἐντεῦθεν ἐπὶ κακίας εὐθύνειν τὸν Βέκκον καὶ οὐ διὰ δογματῶν παραβάσιαν, οἷς ὅτι καὶ αὐτοὶ ἀληθείας ἀνάγκῃ συναυλούμενοι τὰ αὐτὰ ἐκείνῳ θεολογοῦσι, καὶ ὃ φεύγειν ἔδοξαν βασικανίας χάριν, τοῦτο ἔμολογῶσιν ἀληθείας ἕνεκα.* Pashyut. lib. II. c. 3 p. 116—117.

употребляется отцами церкви для выражения акта исхождения Св Духа, какъ слово Родитель (*Γεννήτωρ*) спеціально же употребляется для выражения акта рожденія Сына Божія. А такъ какъ авторъ *Тόρος*; употребилъ это слово не для обозначенія акта исхождения, а для обозначенія акта возсіянія, между тѣмъ онъ различаетъ между этими двумя актами, то онъ отрицаетъ употребленіе этого слова въ первомъ смыслѣ, т. е. въ томъ, въ какомъ спеціально употребляютъ это слово отцы церкви,—въ чемъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть безъ вины,—а напротивъ можетъ быть обвиняемъ въ искаженіи догматовъ (1). Но такъ какъ всѣ эти новые обвинители Григорія скрѣпили раньше его *Тόρος* своими подписями, то и не могли выступить противъ него открыто, а принуждены были ограничиваться обвиненіемъ его подъ рукою—въ интимныхъ разговорахъ. Вскорѣ впрочемъ представился имъ случай и для открытаго нападенія на патріарха.

Въ числѣ почитателей послѣдняго былъ одинъ монахъ, по имени Маркъ. Какъ человекъ любознательный, весьма интересовавшійся догматическими вопросами, занимавшими его современниковъ, и притомъ неопитъ въ христіанствѣ, горѣвшій желаніемъ доказать на дѣлѣ искренность своего обращенія (2), онъ часто посѣщаль

1. Τὸ δ' ὅτι τὸ προβαλεῖς ὄνομα, ὃ ἰδιωτρόπως παρὰ τῶν πατέρων ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ πνεύματος παραλαμβάνεται, ὡσπερ καὶ τὸ γεννήτωρ ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ μονογενοῦς λόγου, αὐτός, ὁμωνυμίας ἐπὶ τῆς ἀπλῶς ἐκφάνσεως ἐξελάβετο καὶ οὐκ ἐπὶ τῆς αἰτίας τοῦ πνεύματος καθαρῶς, ἣν καὶ πρόσοδον λέγων τὴν λέξιν ἀπέφασκε, τοῦτ' οὐκ ἤφριον ἀκαταπίστον, καὶ παραβασίας ἐκεῖνον ἐντεῦθεν δογματῶν ἐγράφοντο. *Pachym. lib II. c. 3 p. 117.*

(2) Судя по надписи и некоторымъ выраженіямъ въ *Ὁμολογία* Григорія нужно думать, что этотъ Маркъ былъ выкрестъ изъ евреевъ. Вотъ что гласитъ надпись: *Ὁμολογία τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου Κυρίου Γρηγορίου*

арха (1). Историкъ говоритъ, что эти епископы, читая сочиненіе Григорія, въ самомъ же началѣ не одобряли сдѣланнаго имъ изъясненія извѣстныхъ словъ св. Дамаскина, но тогда находили, что и приличіе и благоразуміе и здравый разумъ не дозволяютъ имъ возражать патріарху. Теперь и они рѣшились выступить съ полемикой противъ него.

Но какъ повести эту полемику? Доказывать, что патріархъ несправедливо различаетъ между исхожденіемъ и возсіяніемъ, значило бы доказывать тождество этихъ двухъ актовъ, т. е. то же самое, что доказывалъ Веккъ, имъ казалось не удобнымъ, хотя многіе изъ нихъ, при болѣе спокойномъ и безпристрастномъ изученіи догматическихъ произведеній бывшаго патріарха, пришли къ убѣжденію, что онъ заслуживаетъ порицанія не за искаженіе догматовъ вѣры, а за тѣ бѣдствія, которыхъ былъ виновникомъ (2). И такъ, они рѣшились напасть на него съ другой стороны,—именно, они напали на его изъясненіе слова «Изводитель». Григорій принималъ это слово въ смыслѣ Подателя, а они находили, что оно должно означать Виновника, такъ какъ специально

(1) Между не изданными доселѣ письмами Григорія есть одво, адресованное къ монахамъ Іоанну Хялзъ и Даниилу *Ἐν τῇ Οὐστρεδίῳ* (Uid. Des Patriarchen Gregorius aus Cypern Selbstbiographie. von D. T. C. Matthiae. Frankfurt in Mayn. 1817 S. 24). Если эти два монахи—одно и то же съ Іоанномъ Хялюю Ессескимъ и Даниломъ Кивическимъ—въ чемъ едва ли можно сомнѣваться—то знакомство и дружба ихъ съ Григоріемъ должны быть отнесены ко времени, предшествовавшему вступленію его на патріаршій престолъ. По всей вѣроятности своей данишней дружбѣ съ Григоріемъ они были обязаны и возведеніемъ своимъ въ санъ епископовъ.

(2) *Δοχεῖν γὰρ τοῖς πολλοῖς ἐντεῦθεν ἐπὶ κακίας εὐθύνειν τὸν Βέκκον καὶ οὐ διὰ δογματῶν παραβάσιον, οἷς ὅτι καὶ αὐτοὶ ἀληθείας ἀνάγκη συναυνοῦμενοι τὰ αὐτὰ ἐκεῖνω θεολογοῦσι, καὶ ὃ φεῦγειν ἔδοξαν βασικανίας χάριν, τοῦτο ὁμολογοῦσιν ἀληθείας ἕνεκα.* Pachtm. lib. II. c. 3 p. 116—117.

употребляется отцами церкви для выражения акта исхождения Св. Духа, какъ слово Родитель (*Γεννήτωρ*) специально же употребляется для выражения акта рожденія Сына Божія. А такъ какъ авторъ *Τόμος-α* употребилъ это слово не для обозначенія акта исхождения, а для обозначенія акта возсіянія, между тѣмъ онъ различаетъ между этими двумя актами, то онъ отрицаетъ употребленіе этого слова въ первомъ смыслѣ, т. е. въ томъ, въ какомъ специально употребляютъ это слово отцы церкви,—въ чемъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть безъ вины,—а напротивъ можетъ быть обвиняемъ въ искаженіи догматовъ (1). Но такъ какъ всѣ эти новые обвинители Григорія скрѣпили раньше его *Τόμος* своими подписями, то и не могли выступить противъ него открыто, а принуждены были ограничиваться обвиненіемъ его подъ рукою—въ интимныхъ разговорахъ. Вскорѣ впрочемъ представился имъ случай и для открытаго нападенія на патріарха.

Въ числѣ почитателей послѣдняго былъ одинъ монахъ, по имени Маркъ. Какъ человекъ любознательный, весьма интересовавшійся догматическими вопросами, занимавшими его современниковъ, и притомъ неопитъ въ христіанствѣ, горѣвшій желаніемъ доказать на дѣлѣ искренность своего обращенія (2), онъ часто посѣщаль

(1) Τὸ δ' ὅτι τὸ πνεῦμα ἕνα, ὃ ἰδιωτικῶς παρὰ τῶν πατέρων ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ πνεύματος παραλαμβάνεται, ὡσπερ καὶ τὸ γεννήτωρ ἐπὶ τοῦ αἰτίου τοῦ μονογενοῦς λόγου, αὐτός, ὁμωνυμίας ἐπὶ τῆς ἀπλῶς ἐκφάνσεως ἐξελέβετο καὶ οὐκ ἐπὶ τῆς αἰτίας τοῦ πνεύματος καθαρῶς, ἦν καὶ πρόσδον λέγων τὴν λέξιν ἀπέφραξε, τοῦτ' οὐκ ἴφισον ἀκατακτάτου, καὶ παραβασίας ἐκεῖνον ἐνταῦθεν δογματῶν ἐγράφοντο. Pashyut. lib II. c. 3 p. 117.

(2) Судя по надписи и некоторымъ выраженіямъ въ *Ὁμολογία* Григорія нужно думать, что этотъ Маркъ былъ вырестъ изъ евреев. Вотъ что гласитъ надпись: *Ὁμολογία τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου Κυρίου Γρηγορίου*

патріарха съ цѣлью оріентироваться въ бесѣдахъ съ нимъ относительно этихъ вопросовъ. Патріархъ, поощрявшій всеми силами ученость и людей ученыхъ и кромѣ того считавшій своею особенною обязанностию просвѣщать неопита, съ удовольствіемъ принималъ его и удостоивалъ своей бесѣды. Прошло нѣсколько времени въ этихъ бесѣдахъ. Марку показалось, что онъ на столько посвященъ уже теперь въ разумніе вопросовъ, занимавшихъ публику, что можетъ сказать объ нихъ и свое слово; и вслѣдствіе этого рѣшился принять участіе въ полемикѣ, возбужденной *Τέρας*-омъ. Написавши сочиненіе, онъ представилъ оное патріарху и просилъ его прочитать и сказать ему свое мнѣніе. Прочитавши это сочиненіе, патріархъ сдѣлалъ въ немъ нѣсколько поправокъ и возвратилъ автору. Маркъ, заручившись этими поправками, рѣшился пустить свое сочиненіе въ свѣтъ. Въ предисловіи, которое онъ счелъ нужнымъ предпослать своему сочиненію, онъ заявилъ публикѣ, что патріархъ взялъ на себя трудъ прочитать его сочиненіе, нѣкоторыя мѣста исправилъ, а остальное одобрилъ, и что это обстоятельство даетъ ему смѣлость явиться на судъ публики.

Нѣкоторые изъ тайныхъ противниковъ патріарха, прочитавши книгу Марка, нашли, что онъ употребляетъ слово *πρεσβυτέριος* въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреблялъ его и Григорій въ своемъ *Τέρας*-ѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что у Марка гораздо яснѣе выражена мысль, довольно темно и неопредѣленно изложенная у Григорія. Эта находка была для нихъ

γεγονέτα ἀπὸ τῆς ἑπιστάσεως γέγονε κατ' αὐτὸν παρὰ τῶν κληρικῶν καὶ τινῶν Ἀρχιερέων διὰ τὸ γράμμα τοῦ ἐξ Ἑβραίων, μᾶλλον δ' Ἰούδα Μάρκου. Bandurii Imperium Orientale, t. II p. 658 - 660.

сущимъ кладомъ. Такъ какъ въ предисловіи къ книгѣ Марка было сказано, что она издана въ свѣтъ съ одобренія патріарха, то противники послѣдняго сообразили, что патріарху трудно будетъ оправдаться въ единомысліи съ Маркомъ и, не думая долго, сфабриковали слѣдующее обвиненіе противъ Григорія: патріархъ — еретикъ; но, желая скрыть тлетворный ядъ своей ереси, онъ прикрылъ ее въ своей книгѣ туманными и двусмысленными выраженіями, и лишь теперь косвенно, чужими руками, разоблачилъ ее во всей осязательной ясности.

Въ числѣ этихъ закулисныхъ критиковъ образа мыслей патріарха оказался прежде всего Θεολεψτή Филадельфійскій. Захвативши съ собою только что прочитанную имъ книгу Марка, онъ послѣшилъ съ нею къ своему пріятелю, великому логоѳету, и, прочитавши ему заранѣе отмѣченныя мѣста, спросилъ его: что онъ объ этомъ думаетъ? Музалонъ, тщеславившійся столько же своими богословскими познаніями, сколько и своей ревностью по благочестію, немедленно же объявилъ, что онъ считаетъ выраженныя авторомъ книги мнѣнія душевредной ересью. Этого только и нужно было искусителю. Въ ту же минуту вытащилъ онъ изъ за пазухи *Томъ* Григорія и заявилъ, что и въ немъ содержится то же ученіе. Великій логоѳетъ нашелъ это заявленіе справедливымъ и осудилъ патріарха. Молва объ этомъ, пущенная Θεολεптомъ подъ рукой, была подхвачена многочисленными тайными и явными врагами патріарха и быстро разнеслась по городу. Начались толки и пересуды, которые, возрастая съ каждымъ днемъ, достигли наконецъ и до ушей императора.

Андроникъ, ревновавшій по чистотѣ православія не менѣе великаго логовита и, кромѣ того, имѣвшій слабость считать себя государемъ вполне безпристрастнымъ и справедливымъ ко всѣмъ, не могъ оставить безъ вниманія этихъ толковъ, тѣмъ болѣе, что жалобы на книгу патріарха начали доноситься до него со всѣхъ сторонъ и притомъ отъ лицъ высокопоставленныхъ. Ему казалось дѣломъ несправедливымъ пропускать мимо ушей эти жалобы, потому особенно, что дѣло шло о лицахъ, которыя осуждали другихъ за ересь: такимъ лицамъ, рассуждалъ онъ, всего менѣе извинительно исказить самимъ ученіе церкви (1).

Не могли конечно укрыться эти толки и интриги и отъ патріарха и не возмутить его до глубины души. Считая себя неизмѣримо выше своихъ противниковъ по учености и знакомству съ твореніями и ученіемъ оо. церкви, онъ былъ крайне огорченъ этимъ, сколько дерзкимъ, столько же и неожиданнымъ, обвиненіемъ его въ ереси, и съ гордымъ негодованіемъ отказался исправить въ своей книгѣ мнимыя погрѣшности, подавшія поводъ къ соблазну,—что, подъ видомъ радвія о его чести и пользѣ, посвѣщили посовѣтовать ему его не-други. Это побудило ихъ открыто прервать общеніе съ патріархомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что его отказъ исправить замѣченныя погрѣшности служить будто бы яснымъ доказательствомъ того, что еретическія мысли, найденныя въ его сочиненіи, допущены имъ не по невѣдѣнію и недосмотру, а сознательно и намѣренно (2).

(1) Рачум. Ів. II. с. 4. р. 117—119.

(2) Ibid р. 120.

Въ числѣ отказавшихся отъ общенія съ Григоріемъ по вышеизложенному побужденію оказался и александрійскій патріархъ Аѳанасій. Историкъ, впрочемъ, говоритъ, что у Аѳанасія было и другое побужденіе. Онъ также принадлежалъ къ числу лицъ, отказавшихся подписать *Тѣмъ* подъ тѣмъ предлогомъ, что не принадлежитъ къ персоналу патріархіи константинопольской и считаетъ это дѣло постороннимъ для себя. Григорій былъ оскорбленъ этимъ отказомъ; онъ не довѣрялъ искренности Аѳанасія (что теперь и подтвердилось самымъ дѣломъ) и настаивалъ предъ императоромъ о высылкѣ подозрительнаго патріарха въ его епархію. Но Андроникъ почему-то медлил исполненіемъ требованія Григорія. Аѳанасію представился теперь случай, съ одной стороны оправдать свой отказъ отъ подписи, съ другой—отметить за себя своему взыскательному собрату. И вотъ онъ присоединился къ тѣмъ, которые открыто прервали общеніе съ патріархомъ на основаніи его отказа исправить замѣченныя въ *Тѣмъ*-ѣ погрѣшности.

Противники патріарха не могли простить ему отказа исправить свой *Тѣмъ* особенно потому, что жертва, которой они отъ него требовали, казалась имъ столь ничтожною въ сравненіи съ тѣми жертвами, которыя были принесены другими и отчасти по его личному требованію или по требованію его приверженцевъ. Такъ напр. Аѳанасій, для отклоненія отъ себя всякаго подозрѣнія въ несогласіи съ *Тѣмъ*-омъ, вынужденъ былъ по требованію Григорія, подписать особое изложеніе вѣры, въ которомъ ясно и точно было изложено православное ученіе объ исхожденіи св. Духа. Имя антиохійскаго патріарха Арсенія было

изглажено изъ церковныхъ диптиховъ на основаніи однихъ слуховъ о томъ, будто онъ находился въ церковномъ общеніи съ армянскимъ царемъ. Императоръ въ угоду ревнителямъ вынужденъ былъ принести еще болѣе тяжкія жертвы: лишить христіанскаго погребенія и поминавенія своего отца, изгладить изъ церковныхъ диптиховъ имя своей первой супруги и заставить свою мать подписать извѣстную покаянную запись (*δέξιλος μετανοήσεως*). Отчего же одинъ Григорій хочетъ быть исключеніемъ? Почему онъ не хочетъ сознаться въ своихъ погрѣшностяхъ и исправить ихъ? Что онъ за святой такой? Что за счастливецъ?

Всѣ эти толки, направленные ссылками на жертвы, принесенныя императоромъ для примиренія партій и восстановленія церковнаго мира, были доведены до свѣдѣнія Андроника и сильно вооружили его противъ Григорія. По обычаю всѣхъ слабыхъ и безхарактерныхъ людей, онъ принялъ отказъ Григорія исправить замѣченныя въ его *Τόμος-ѣ* погрѣшности за личную обиду себѣ, за выраженіе презрѣнія къ тѣмъ громаднымъ жертвамъ, которыя онъ самъ принесъ для восстановленія церковнаго мира, и до того прогнѣвался на патріарха, что подослалъ къ нему александрійскаго Леонасія съ предложеніемъ отказаться отъ престола, если не хочетъ отказаться отъ своихъ погрѣшительныхъ мнѣній ⁽¹⁾.

Но оставимъ пока высшія, официальныя сферы, въ которыхъ подготовлялся этотъ странный теологическій походъ противъ патріарха, и посмотримъ, что дѣлалось въ это время въ низменной, тѣмной сферѣ нашихъ «отщепенцевъ» арсенитовъ. Долетали-ль до

(1) Pashum. lib. II. c. 5 p. 120—121.

нихъ вѣсти объ этомъ переполохѣ во враждебной имъ сферѣ и какъ отнеслись они къ этимъ вѣстямъ?

Они отлично знали все здѣсь происходившее и давнымъ давно не только опредѣлили свою роль въ этой новой, разгоравшейся сумятицѣ, но и весьма ловко и энергично разыгрывали ее. Въ учено-литературной полемикѣ, завязавшейся между противниками, они не принимали, да и не могли принимать никакого участія, такъ какъ большинство ихъ весьма немного понимало въ тѣхъ теологическихъ тонкостяхъ, около которыхъ вращалась эта полемика. При томъ всѣ отгѣнки мнѣній были уже разобраны между противниками и необходимо было пристать къ одному изъ нихъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ спорѣ, чего они не могли себѣ позволить, не выступая изъ своего исключительнаго положенія. Но за то они отлично поняли практическій моментъ въ этомъ спорѣ и весьма ловко имъ воспользовались для своихъ цѣлей. Они поняли, что въ глазахъ толпы самое консервативное мнѣніе всегда будетъ и самымъ вѣрнымъ, и потому, не долго думая, выступили съ мнѣніемъ, что, по вопросу объ исхожденіи св. Духа, церковь не можетъ и не должна учить ничему другому, кромѣ того, что Духъ святой исходитъ отъ Отца (1). Въ сущности они выходили изъ того же положенія, которое было высказано александрійскимъ патріархомъ Афанасіемъ на диспутѣ съ Веккомъ, что «всякое нововведеніе въ догматику, хотя бы то и безопасное, можетъ быть признано душевредною ересью». Выходя

(1) Арсениды впрочемъ не первые выступали съ этимъ мнѣніемъ. По свидѣтельству Влассида, это мнѣніе поддерживали нѣкоторые ревнители православія еще въ пятидесятыхъ годахъ XIII в. Vid. Oratio Vlassida ad Theologum Ducas Lascaris in. Gr. Orth. t. I. p. 41.

изъ этого положенія, они потребовали формальнаго отверженія и осужденія слова: *чрезъ Сына*, въ какомъ бы смыслѣ ни принималось это слово, и провозгласили еретиками всѣхъ тѣхъ, которые употребляли это слово. А такъ какъ всѣ партіи, участвовавшія въ спорѣ, употребляли это слово въ разныхъ смыслахъ, то всѣ и оказывались еретиками. Такимъ образомъ арсенитамъ и изъ этого новаго спора удалось всплыть наверхъ въ качествѣ единственныхъ представителей и защитниковъ православной истины.

Но если въ исходной мысли арсениты сошлись съ Александрійскимъ патріархомъ, то въ своемъ требованіи—отвергнуть слово *чрезъ Сына*—они встрѣтились съ Веккомъ, который, какъ мы видѣли, въ заключеніе извѣстнаго диспута, сдѣлалъ подобное же предложеніе своимъ противникамъ. И эта встрѣча двухъ крайностей не была случайною. Она была естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ положенія, въ которомъ очутились спорившіе,—результатомъ, который весьма вѣрно и мѣтко былъ указанъ Веккомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ направленія въ концѣ концовъ должны были придти къ сознанію, что это слово служитъ единственнымъ камнемъ претыканія, мѣшающимъ ихъ взаимному сближенію, что оно есть тотъ гордіевъ узелъ, къ которому сводятся всѣ нити спорнаго вопроса, и который ждетъ своего Александра. И вся трудность положенія заключалась въ томъ, что ни у одной партіи не хватало духу принять на себя роль Александра. Патріархъ Григорій, Музалонъ и официальная церковь желали бы, чтобы эту роль взяли на себя Веккъ съ своими товарищами. Веккъ предлагалъ ее представителямъ официальной церкви.

Вновь образовавшіяся партіи такъ же желали отклонить отъ себя эту честь. Всѣ наперерывъ искали выхода изъ, затрудненія въ среднихъ путяхъ, въ компромиссахъ съ этимъ словомъ: всѣ истощались въ болѣе или менѣе удачныхъ и остроумныхъ изъясненіяхъ этого слова, чтобы какъ нибудь приладить оное къ содержимому церковію ученію. Для однихъ арсенитовъ не существовало этихъ опасеній и затрудненій. Полнѣйшее невѣжество въ отеческой письменности давало имъ смѣлость и силу совершить подвигъ, предъ которымъ отступили всѣ, болѣе ихъ знакомыя съ этой письменностью, партіи, и они, съ отвагою Александра, занесли свой картонный мечъ надъ теологическимъ узломъ, затягивавшимъ всѣ партіи.

Съ ученой точки зрѣнія, этотъ подвигъ, конечно, могъ быть приравненъ къ извѣстному подвигу Герострата, — арсенитамъ оставалось лишь, чтобы быть вполне послѣдовательными, довершить его всесожеженіемъ твореній отеческихъ, въ которыхъ встрѣчается это слово; но въ практическомъ смыслѣ принятая ими мѣра была единственною радикальною мѣрою, которая способна была бы разомъ и притомъ на всегда покончить всѣ споры изъ за этого слова. А такъ какъ по указанной причинѣ никто изъ участниковъ спора не могъ согласиться на эту мѣру; то споръ по необходимости долженъ былъ продолжаться. И дорого поплатились за него всѣ участники! Одни арсениты остались въ выигрышѣ.

Стоя въ сторонѣ отъ спора, отрицая его законность и цѣлесообразность въ самомъ основаніи, обзывая всѣхъ участвовавшихъ въ немъ, безъ различія отгѣнковъ, еретиками, они выросли въ глазахъ толпы

до размѣровъ единственныхъ непоколебимыхъ столповъ православія, и въ то время, какъ въ высшихъ слояхъ церкви и государства готовились теологическія стычки en masse, они вели самую дѣятельную и оживленную агитацію въ низшихъ слояхъ, по темнымъ угламъ и вертепамъ, прикрываясь мнимой ересью, заразившею будто бы всю церковь.

Эта агитація, благодаря слабости и бездѣйствію властей, приняла наконецъ такой злокачественный характеръ и достигла такихъ размѣровъ, что вынудила патріарха обратиться къ императору съ формальной жалобой. Не веселую картину рисуетъ онъ въ этой жалобѣ: «Что же касается безпокойствъ, причиняемыхъ нечестивыми сонмищами враговъ церкви, возстающихъ на нее съ другой стороны⁽¹⁾ городу (Константинополю), а чрезъ него и мнѣ, глубоко сокрушающемуся, какъ и слѣдуетъ, объ ихъ послѣдователяхъ (большою частью изъ простонародья), то у меня нѣтъ силъ писать и сообщать объ этомъ вашему царскому благочестію, частію отъ скорби, частію за невозможностію перечислить все совершаемыя ими плутни (*περὸντροπαι*). Эти люди, получивши свободу дѣйствій, далеко превосходящую всякую мѣру, и на площадяхъ и въ темныхъ закоулкахъ и, словомъ, повсюду, безъ зазрѣнія совѣсти, разглагольствуютъ со всеми встрѣчными и поперечными, разцѣпивая и позоря и начальниковъ и подначальныхъ и, короче, всехъ, которые не хотятъ быть за одно съ ними. Если же кому случится захворать, то они силой врываются въ домъ, осаждаютъ больнаго и заставляютъ его противъ воли принять ихъ за духовниковъ»;

(1) Выше идетъ рѣчь о нападеніи на нее со стороны Вѣха.

въ случаѣ же смерти они являются и священниками и пѣвцами, и погребателями (*ἐπιταφιστάς*), чтобы умирающіе, по ихъ словамъ, по крайней мѣрѣ, при концѣ жизни сдѣлались благочестивыми и православными и не умерли въ злочестіи (*κακοπιστία*). Смотри на все это, многіе изъ священниковъ, бывшихъ прежде за одно съ нами, ударились въ соревнованіе (такъ какъ это доставляетъ имъ большія выгоды, — они и запрашиваютъ и получаютъ весьма много) и переходятъ къ нимъ, присовокупляя, что уже довольно насладились общеніемъ съ нами (*πολλά χαίρουσιν ἐκόντες τῆ μετ' ἡμῶν κοινωνίᾳ*) (1)».

Но жалоба патріарха лишь больше раздражила и ожесточила противъ него арсенитовъ и заставила ихъ выступить съ заявленіемъ, что они будутъ жить смиренно и спокойно, если только будетъ устраненъ отъ престола ненавистный имъ патріархъ. Заявленіе арсенитовъ совпало, какъ мы видѣли, съ желаніемъ Андроника, которое онъ и выразилъ патріарху въ извѣстномъ совѣтѣ Аѳанасія Александрійскаго. На сколько желаніе императора обусловливалось заявленіемъ арсенитовъ мы не знаемъ, но думаемъ, что между ними была связь болѣе интимная и непосредственная, чѣмъ случайное совпаденіе, такъ какъ въ это время болѣе, чѣмъ когда либо императоръ былъ занятъ мыслью приобрести ихъ для церкви во что бы то ни стало, какъ увидимъ ниже.

Григорій не обратилъ большого вниманія на совѣтъ патріарха Александрійскаго, тѣмъ не менѣе въ

(1) Письмо Григорія Кипрскаго, патріарха Константинопольскаго къ императору Андронику Палеологу старшему по русс. пер. въ Христ. Чт. за 1870 г., сентябрь стр. 513—514.

ближайшее воскресенье, во время литургіи, которую самъ совершалъ, онъ обратился къ народу съ проповѣдью, въ которой жаловался ему на множество своихъ враговъ и на свою безпомощность, и въ заключеніе объявилъ: «такъ какъ арсениты обѣщаютъ, что будутъ жить въ мирѣ, если я оставлю управленіе церковію, то я удаляюсь для того, чтобы испытать: правду ли они говорятъ: если же и послѣ этого они будутъ продолжать возмущать ее, то я возвращусь изъ своего убѣжища и брошусь на нихъ, какъ левъ». Послѣ обѣди онъ дѣйствительно удалился въ монастырь Одигитріи (τὸν Ὀδηγῶν) (1); но продолжалъ по прежнему принимать къ себѣ архіереевъ и клириковъ, составлять соборы (σύνοδοι ἐκκλησιαστικαί), постановлять на нихъ опредѣленія и вообще управлять дѣлами патріархіи.

Такое полу-отреченіе отъ патріаршаго престола, конечно, не могло никого удовлетворить и еще менѣе способно было возстановить въ церкви желанное спокойствіе. Къ довершенію затрудненій въ это время прибылъ въ столицу изъ своей епархіи Іоаннъ Ефесскій, бывший почитатель и другъ патріарха, а теперь передавшійся на сторону его враговъ. Съ его прибытіемъ агитація противъ патріарха удвоилась. Іоаннъ представилъ императору записку, въ которой вкратцѣ было формулировано все, въ чемъ обвиняли Григорія его ученые противники (2). Прочитавши эту записку,

(1) О мѣстоположеніи этого монастыря см. *Ducangii, Constantinopolis christiana, lib. IV sect. 2. num. 24.*

(2) Текстъ этой записки сохраненъ намъ Аляксѣемъ въ его книгѣ *De Ecclesiae Occidentalis et Orientalis perpetua consensione* (lib. II. c. II § XI. col. 516). Вотъ что писалъ въ ней бывший почитатель и другъ патріарха: Іоанна Хилы, митрополита Ефесскаго, къ императору. Общее мнѣніе (κοινὴ δόξα) церкви признаетъ изхожденіе (ἐκπόρευσιν) не отъ-

императоръ сталъ стѣсняться поминовениемъ имени патріарха при богослуженіи и пересталъ являться въ церковь. Враги Григорія воспользовались этимъ для

элементарнымъ свойствомъ (ἀκίνητος ἰδιότης) Всевятаго Духа, представляющимъ нечто иное, какъ единое естественное бытіе (μόνῳ τῷ φωνῆν ὑπαρξῆν) Его отъ отца. Итакъ почитать и писать, что это исхожденіе на богословскомъ языкѣ (ἐπὶ τῆς θεολογίας) иногда означаетъ указанное бытіе (ὑπαρξῆν), иногда вѣчное откровеніе (τῷ ἐκφρασίῳ τῷ αἰδίῳ) или возсіаніе (ἐκλάψιν) или проявленіе (φανέρωσιν), значить говорить и писать нечто чуждое апостольскимъ догматамъ и кромѣ того достойное уваженія. Далѣе, по общему разуміанію (ἐννοία) и исповѣданію отцевъ, слово Изводитель (Προβολεὺς) означаетъ виновника Всевятаго Духа, какъ слово Родитель (Γεννήτωρ) означаетъ виновника Сына: равнымъ образомъ все согласны въ томъ, что исхожденіе (ἐκπόρευσις, и извожденіе (προβολή) означаютъ одно и то же. Такимъ образомъ мыслящій, догматствующій (δογματίζων) и пишущій не такъ, а иначе, — именно, что слово Προβολεὺς иногда означаетъ виновника Св. Духа, и слово προβολή (извожденіе) — естественное бытіе (ὑπαρξῆν, Его отъ отца; а иногда, первое слово (προβολεὺς) означаетъ проявителя (φανέρωσιν), а второе (προβολή) — вѣчное откровеніе, или возсіаніе, или что то же проявленіе φανέρωσιν, Всевятаго Духа; тотъ на нашъ взглядъ (ἡμεῖ) есть явный хульникъ (βλάσφημος) и очевидный нарушитель преданія (παράδοξομαχιστὴς) и за это достоинъ отверженія и отверженія (ῥελέυματος). Точно также богоносные отцы наши, слово πρόδος (происхожденіе), употребляемое о Св. Духѣ, всегда принимаютъ въ смыслъ показателя бытія Всевятаго Духа (παράστατικὴς μόνης τῆς ὑπαρξῆως τοῦ παναγίου Πνεύματος; т. е. въ томъ же самомъ смыслѣ, въ канонѣ употребляютъ слова: ἐκπόρευσις и προβολή. Воздѣйствіе этого тѣ, которые дозволяютъ себѣ новшества χαλεποτέρως учать и пишутъ, что это выраженіе φωνῆ, въ твореніяхъ св. отцевъ иногда служить показателемъ бытія, а иногда — проявленія, откровенія и возсіанія, должны быть признаваемы за исказителей παραχρήσται; правыхъ догматовъ, и уважающимися отъ истины и кромѣ того по всей справедливости (τῷ ὄντι) заслуживающими презрѣнія (ῥεῖσιν) и отверженія. Такъ искони мудрствуетъ, догматствуетъ и учить св. церковь; такъ мудрствовать, догматствовать, учить и исповѣдывать мы приняли отъ нея изначала (ἀνεκχεῖν, и доселѣ (ἐν δεύρο). И если не согласующіеся (διαφερόμενοι, съ нами доселѣ будутъ такъ исповѣдывать устами и писаніями, одно приемы, какъ правильное, а другое предвзаяннваемъ, какъ хульное, какъ и мы; то будутъ намъ присеными (ὑψήτοις, братьями и православными, будутъ имѣть въ насъ людей, отъ сердца пріятельствующихихъ полное примиреніе съ ними и миръ (ἐντελή καταλλάχτη καὶ εἰρήνη. Если же нѣтъ — чего да не будетъ, — то никогда и ниномъ образомъ (οὐδαμῆ σάδαμῶς).

того, чтобы отмѣнить поименованіе его имени при богослуженіи и прямо приступили къ нему съ требованіемъ, чтобы онъ отказался отъ своего мѣста и уступилъ оное другому, болѣе его достойному (1).

Но Григорій, очень хорошо знавшій съ кѣмъ имѣеть дѣло, не хотѣлъ уступать своимъ врагамъ безъ боя. Онъ осыпалъ упреками и царя и епископовъ за то, что они хотятъ низложить его съ безчестіемъ, хотятъ отнять у него славу православнаго, послѣ того, какъ сами избрали его, какъ человѣка ученаго и вполне достойнаго патріаршаго сана. Въ то же время онъ написалъ отвѣтъ на возраженія, сдѣланныя противъ Тѣтосъ-а его противниками, гдѣ старался объяснить свою мысль и доказать, что средины между этой мыслью и той, которую защищаетъ Веккъ, нѣтъ, такъ что отверженіе его мысли ведетъ прямо къ принятію мысли Векка (2). Впрочемъ онъ соглашался и на отреченіе отъ престола, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему выдано было письменное удостовѣреніе въ томъ, что его признаютъ православнымъ. Но его противники находили это условіе двусмысленнымъ и коварнымъ. На какомъ же основаніи, разсуждали они, мы будемъ требовать отъ него отреченія, если признаемъ его православнымъ? И вслѣдствіе этого соображенія приступили къ императору съ просьбою

(1) Pashyn, lib. II c. 6 p. 121—123.

(2) Въ защиту Тѣтосъ-а Григорій написалъ нѣсколько сочиненій; они напечатаны у Бандурія въ его *Imperium Orientale*, t. II. (по Венеціанскому изданію византійскихъ историковъ Т. XXX, p. 652—668). Мы не останавливаемся здѣсь на дальнѣйшемъ развитіи его мысли потому, что надѣемся доставить нашимъ читателямъ возможность познакомиться съ нею поближе и обстоятельнѣе изъ самыхъ его сочиненій, которыя мы надѣемся помѣстить на страницахъ Христіанскаго Чтенія въ русскомъ переводѣ.

дозволить имъ подвергнуть дѣло патріарха тщательному разсмотрѣнію, такъ что если ученіе, заключающееся въ его книгѣ, будетъ найдено православнымъ, то онъ удержитъ свой санъ и свое мѣсто, а если, напротивъ, его уличатъ въ заблужденіи; то онъ долженъ будетъ просить прощенія и подвергнуться законной эпитиміи.—тогда сами собою устранятся всѣ затрудненія въ замѣнѣ его другимъ лицомъ, болѣе достойнымъ патріаршаго сана. Императоръ нашелъ это предложеніе основательнымъ и приказалъ сообщить объ немъ патріарху. Григорій отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ разсмотрѣнія его книги и готовъ подвергнуться суду. Въслѣдствіе этого назначенъ былъ день для разсмотрѣнія его сочиненій, выбраны были какъ судьи, такъ и обвинители: въ качествѣ послѣднихъ должны были выступить епископы и клирики, отдѣлившіеся отъ общенія съ нимъ изъ-за его *Тереса*. Мѣстомъ собранія назначена была одна изъ дворцовыхъ залъ.

Въ назначенный день и часъ патріархъ прибылъ во дворецъ вмѣстѣ съ своими приверженцами верхомъ на лошадяхъ, и такъ какъ въ залѣ собранія никого не оказалось, то приказалъ доложить императору о своемъ прибытіи и просить его о немедленномъ призывѣ его судей и обвинителей для изслѣдованія его дѣла. Но въ промежутокъ времени между принятіемъ извѣстнаго предложенія и днемъ, назначеннымъ для собранія, Андроникъ успѣлъ лучше оцѣнить дѣйствительное значеніе одобренной имъ мѣры и ея вѣроятные результаты. Онъ основательно разсудилъ, что какъ бы ни кончилась конференція, но что ни въ какомъ случаѣ нельзя ожидать отъ ней ничего добраго.

Она должна повести къ одному изъ двухъ—или патріархъ будетъ обличенъ въ заблужденіи и долженъ будетъ подвергнуться низложенію, или его обвинители будутъ уличены въ клеветѣ и за это должны будутъ подвергнуться наказанію, и слѣд. въ томъ и другомъ случаѣ дѣло кончится скандаломъ, между тѣмъ возникнетъ новый споръ, который можетъ затянуться въ безконечность, такъ какъ всегда есть возможность однимъ разсужденіямъ противопоставить другія, безъ надежды достигнуть когда-либо соглашенія. Малото-го,—ему казалось и неприличнымъ и опаснымъ допустить низложеніе патріарха по оговору обвинителей, такъ какъ, съ одной стороны, онъ призналъ былъ всеми вполне достойнымъ своего высокаго сана, съ другой—его книга, на основаніи которой теперь собирались его низложить, была публично одобрена и подписана, какъ имъ самимъ—императоромъ, такъ и лучшими представителями духовенства. Велѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній онъ и отмѣнилъ назначенный диспутъ.

Обвинители патріарха были весьма довольны отмѣной диспута, опасности котораго для нихъ были слишкомъ серьёзны, а успѣхъ слишкомъ сомнителенъ, но не оставляли своего намѣренія добиться такъ или иначе его низложенія. Они продолжали осаждать императора просьбами объ этомъ, соглашаясь даже признать ученіе Григорія православнымъ и объявить, что вся вина его состоитъ лишь въ возбужденіи соблазна книгою Марка, въ которой, по его собственному сознанію, были кое-какія погрѣшности. Уступая этимъ просьбамъ и настояніямъ, которыя совпадали впрочемъ съ его собственными желаніями, императоръ

снова завязалъ съ патриархомъ переговоры по этому щекотливому вопросу. Въ числѣ лицъ, служившихъ посредниками въ этихъ переговорахъ, нашъ историкъ называетъ квестора Хумна и себя самаго. Этими двумя почтеннымъ особамъ поручено было съ особенною силою выставить патриарху на видъ привязанность къ нему императора, привязанность, которая такъ долго заставляла его терпѣть церковныя смуты, возбужденныя его книгою, и побудила его настоять предъ его обвинителями на признаніи его православнымъ, и затѣмъ выразить надежду, что такъ какъ теперь опасность скандала устранена, то патриархъ вѣроятно не затруднится исполнить совѣтъ, внушенный императору столько же заботливостью о пользахъ церкви, сколько и искреннимъ къ нему расположеніемъ. Патриархъ не прочь былъ исполнить этотъ совѣтъ, но его возмущало то недѣльное и оскорбительное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ условіями отреченія, — именно тѣмъ, что православнымъ соглашались признать его не гласно, какъ бы украдкою, между тѣмъ какъ еретикомъ обзывали его публично, и объявилъ, что онъ готовъ отречься отъ престола, но только подъ условіемъ, чтобы признаніе его православнымъ сдѣлано было торжественно, въ присутствіи императора, сената и почетнѣйшихъ монаховъ⁽¹⁾.

Получивши такой отвѣтъ, императоръ передалъ его на обсужденіе общаго собранія епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ. На собраніи голоса раздѣлились. Одни изъ присутствовавшихъ ни за что не хотѣли принять условія, поставленнаго патриархомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что, по ихъ мнѣнію, такое

(1) Pachum. lib. II, c. 7, p. 123—127.

торжественное признаніе его православнымъ было бы тождественно съ утвержденіемъ его на престолѣ и открыло бы ему возможность метить всемъ тѣмъ, которые поднимали противъ него свой голосъ. Во главѣ ихъ были епископы Ефесскій и Кизическій. Но другіе не видѣли особеннаго затрудненія признать его православнымъ въ виду того обстоятельства, что соблазнъ, возмущавшій церковь, произведенъ больше книгой Марка, чѣмъ его собственной, а изъявляли лишь желаніе, чтобы патріархъ далъ предварительно письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ дѣйствительно откажется отъ престола послѣ того, какъ провозглашенъ будетъ православнымъ. Императоръ приказалъ сообщить объ этомъ желаніи патріарху. Григорій въ свою очередь потребовалъ, чтобы его противники дали ему письменное удостовѣреніе въ томъ, что дѣйствительно признаютъ его торжественно православнымъ, обѣщаясь, по полученіи этого удостовѣренія, дать подобное же удостовѣреніе съ своей стороны. Требуемое имъ удостовѣреніе, не безъ колебаній и борьбы, было однакожь составлено его противниками и доставлено ему (1). Получивши это удо-

(1) Вотъ текстъ этого удостовѣренія: Ἐυλογητὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὅτι οὐδέποτε κηχὴν ὑπόληψιν ἔχομεν περὶ τοῦ Δεσπότου ἡμῶν τοῦ πατριάρχου Κυροῦ Γρηγορίου, ὡς ἔστι βλάσφημος, καθάπερ τοῦτο τινὲς τῶν ἀμύητων ὑπέλαβον. Ἄλλ' ὀρθοδοξώτατον τοῦτον γινώσκομεν, καὶ εὐσεβεστάτον, μόνον δεόμεθα τοῦ πατριαρχικοῦ παρατηρήσασθαι ἑρῶν διὰ τὴν τῶν ἀνδράπων εἰρήνην. Καὶ ἐπειδὴ παρ' ἡμῶν ζητεῖ τὴν τῆς εὐσεβείας αὐτοῦ ἀνακτρουξὴν ἐγγράφων λέγεσθαι, καὶ αὐτίκα κατανέμει τὸν ἑρῶν παρατηρήσασθαι, ζητοῦμεν καὶ ἡμεῖς τινὰ ἀσφάλειαν πρότερον γενέσθαι παρ' αὐτοῦ, καὶ εἰ τοῦτο γένοιτο, αὐτίκα καὶ ἡμεῖς πάντες ἐπιμοι ἐν ὀνόματι τοῦ Χριστοῦ καὶ ἐγγράφως καὶ ἀγράφως παρησιγῆ τε καὶ ἔδῃ τοῦτον ὡσπερ καὶ τὸν ἅπαντα χρόνον ἦν, εὐσεβεστάτον κηρύττειν καὶ ὀρθοδοξώτατον, ἐπιτιμᾶν δὲ καὶ τοῖς ἀρρόως καὶ ἀμαθῶς κατ' αὐτοῦ λέγουσιν. Документъ этотъ, находящійся въ свѣтъ съ нѣкоторыми другими, относящимися къ лицу Григорія Кипрскаго и исторіи церкви его времени, въ руко-

стовѣреніе, патриархъ отказался однакожь дать такое же удостовѣреніе на бумагѣ, а ограничился лишь словеснымъ завѣреніемъ, что онъ немедленно же пришлетъ формальное отреченіе отъ престола лишь только будетъ исполнено его противниками обѣщаніе провозгласить его православнымъ. Въ подтвержденіе справедливости своего завѣренія, патриархъ призывалъ имя Божіе (1). Сторонники епископа Ефесскаго увидѣли въ этой уклончивости отъ письменнаго удостовѣренія коварную западню со стороны патриарха и потребовали перерыва съ нимъ переговоровъ. Но сторонники епископа Филадельфійскаго находили, что можно ограничиться и словесной клятвой Григорія, такъ какъ, въ случаѣ нужды, можно будетъ обвинить его въ клятвопреступничествѣ и безъ дальнихъ околичностей лишить его престола. Это соображеніе не подѣйствовало однако на епископовъ Ефесскаго и Кизическаго: они продолжали упорно отказываться отъ общенія съ Григоріемъ и требовать суда надъ нимъ, въ увѣренности, что этотъ судъ непременно кончится его осужденіемъ.

Не малаго труда стоило императору уладить это разногласіе въ лагерѣ противниковъ патриарха. Епископъ Ефесскій, какъ болѣе другихъ не стоворчивый

писможь кодексъ Вѣнской бібліотеки за № 67, напечатанъ у Удина въ его Commentar. de scriptoribus et scriptis ecclesiast. t. III, p. 561, у о. Андроника Димитракопула въ его Ιστορία τοῦ οὐχισμοῦ, σελ 90 и у Дерубенса въ его Dissertations (цитируемыхъ ниже), гдѣ онъ, согласно съ cod. Lugduno—Batavensis, изъ котораго извлекаетъ его этотъ ученый, надписывается: τοῦ Μοσχάμπερ (письмо Мосхампара). Въ кодексъ же Вѣнской бібліотеки, изъ котораго заимствовали его Удинъ и о. Андроникъ, онъ надписывается: Ἀνακρίσεις τῆς ἐπισκοπίας αὐτοῦ παρὰ τῶν ὑποσημένων αὐτῷ.

(1) Ὁ δὲ πέμψαντος τοῦ βασιλέως λόγους ἐπληροφόρει Θεοῦ ἐναντίον....

и притомъ оказавшійся виновнымъ въ составленіи и отсылкѣ въ свою епархію письма, крайне оскорбительнаго для личности Григорія, былъ даже арестованъ и заключенъ въ темницу. Та же участь постигла и епископа Кизическаго. Но мало по малу то обѣщаніями, то угрозами, императору удалось наконецъ сломить упрямство партизановъ Іоанна и устроить ихъ соглашеніе съ сторонниками епископа Филадельфійскаго.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ одной изъ залъ большаго дворца составлено было, подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, чрезвычайное собраніе сената, духовенства, монашества и почетнѣйшихъ гражданъ. Въ собраніи присутствовалъ и патріархъ Григорій. Когда всѣ заняли свои мѣста, епископъ Филадельфійскій вышелъ на средину и громогласно прочиталъ актъ оправданія патріарха, составленный отъ лица всѣхъ, соблазнявшихся доселѣ его книгою. Противники патріарха устами своего представителя провозглашали его православнымъ и признавались, что весь соблазнъ произведенъ книгою Марка, и такъ какъ патріархъ, подобно всѣмъ другимъ, осудилъ эту книгу (1); то они не имѣютъ больше ничего противъ него. Когда епископъ Филадельфійскій кончилъ, Григорій всталъ—поблагодарилъ императора и собраніе и вышелъ. На другой день онъ прислалъ императору актъ отреченія отъ престола, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Меня возвели на патріаршій престолъ и облекли высшимъ святительскимъ саномъ не собственныя мои

(1) Въ осужденіе книги Марка Григорій написалъ два сочиненія: а) *Ὁμολογία* (цитовано выше) и б) *Πεπλάσιον* (у Бандурія, т. II, р. 667—668)

происки и неискательства моихъ друзей, а несповѣдимыя судьбы Божіи. Въ теченіе шестилѣтняго пребыванія моего на престолѣ я употреблялъ все усилія—и словомъ и дѣломъ—къ тому, чтобы умиротворить соблазнявшихся и отдѣлившихся отъ церкви и соединить ихъ съ нею. Но все мои усилія повели къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ моимъ желаніямъ;—нашлись люди, которые стали громко кричать, что желанный миръ не состоится до тѣхъ поръ, пока я не оставлю патріаршаго престола. Въ виду такого печальнаго положенія церкви, я не нахожу возможнымъ оставаться долѣе на своемъ мѣстѣ и предпочитаю удержанію власти примиреніе съ церковію и другъ съ другомъ соблазняющихся. Посему, желая содѣйствовать возстановленію среди этихъ людей мира по Богѣ и прекращенію душепагубныхъ соблазновъ, даю отреченіе отъ патріаршаго престола и патріаршей власти я сана, но не отъ священства, которое, по милости Божіей, надѣюсь сохранить до конца своей жизни, поелику я даю это отреченіе единственно для возстановленія мира между множествомъ соблазняющихся и для содѣйствія воссоединенію ихъ съ церковію, а не потому, чтобы сознавалъ за собою какое либо дѣяніе, лишшающее меня священства. Въ силу сего позволается избрать въ патріархи и возвести на патріаршій престолъ и въ святительскій санъ другаго, который, при содѣйствіи и помощи Божіей, возмогъ-бы, какъ канонически избранный патріархъ (*αρχιεπίσκοπος πατριάρχης*) и законный архіерей, свести во едино и согласить раздѣлившіяся другъ отъ друга части церкви. Что и да совершится щедротами Великаго Бога и Спаса нашего І. Христа, преклоняемаго

на милость предстательствомъ Пречистой Владычицы нашей Приснодѣвы Богородицы и всѣхъ святыхъ».

Актъ былъ написанъ собственною рукою патріарха, но не подписанъ. Историкъ говоритъ, что это было сдѣлано Григоріемъ съ цѣлю облегчить себѣ впослѣдствіи возвращеніе патріаршаго престола, что казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ отказывался теперь отъ этого престола единственно для прекращенія соблазна и усюкоенія возбужденныхъ умовъ и притомъ удерживалъ за собою священство, такъ что весьма легко могъ быть возстановленъ на престолѣ, по минованіи условій, вызвавшихъ удаленіе. Такъ объяснили себѣ отсутствіе подписи и многочисленные недоброжелатели патріарха и готовы были поднять изъ-за этого новую бурю. Но императоръ и Феопетръ филadelphійскій, главный виновникъ разразившейся надъ патріархомъ катастрофы, приняли его отреченіе, поблагодарили его и убѣдили недовольныхъ не настаивать на подписи, а довольствоваться тѣмъ, что оно было написано собственною рукою патріарха. Оставляя патріаршій престолъ, Григорій постарался примириться со всѣми, враждовавшими противъ него клириками и вознаграждать по возможности тѣхъ изъ нихъ, которые потерпѣли за свою вражду къ нему матеріальные убытки (1).

(1) Pashup. lib. II, c. 9, p. 130—133. Согласно съ вышеизложеннымъ разсказываетъ исторію своего удаленія отъ престола и самъ Григорій въ письмѣ своемъ къ одному изъ своихъ друзей (τῷ φίλῳ τινί), напечатанномъ у Дерубенса въ его *Dissertationes duae historicae et dogmaticae, cum binis epistolis Cyprii ad amicum, et Moschamperis excharophylacis ad ipsum, nunc primum editis: quae Byzantinae Georgii Pachimeris Historia illustratur*; по изданію Мивя *Patrologiae cursus completus*, t. CXLII col. 126—128. Текстъ письма Мосхампера, напечатанный у Дерубенса, тождественъ съ вышеприведеннымъ *Ἀποκρίσις*.

Въ числѣ враждовавшихъ противъ него духовныхъ лицъ оказался и его бывший духовникъ, а потомъ епископъ никоидійскій, Германъ, рукоположившій его въ патріархи, и вмѣстѣ съ нимъ, извѣстный «ревнитель» Неофитъ Прузскій. Причина вражды заключалась въ слѣдующемъ. Германъ, рукоположившій Григорія въ патріархи, узналъ впоследствии отъ лицъ, по его мнѣнію, вполнѣ достовѣрныхъ, что Григорій, во время владычества уніонистовъ имѣлъ съ ними общеніе не только въ молитвахъ и исцеленіяхъ (въ чемъ онъ самъ сознавался на духу), но и въ преломленіи хлѣба (о чемъ умолчалъ), и такимъ образомъ, оказывался виновнымъ въ намѣренной утайкѣ грѣховъ на исповѣди. Не долго думая, старый ревнитель составилъ актъ отлученія патріарха отъ церкви за утайку такого важнаго грѣха на исповѣди, грѣха, который, по его мнѣнію, служилъ непреодолимымъ препятствіемъ къ полученію священства, и, скрѣпивши его своей подписью, равно какъ и подписью своего пріятеля, епископа Прузскаго, обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе. Григорій, узнавши о такой дерзкой и противоканонической выходкѣ подчиненныхъ ему епископовъ, отрѣшилъ ихъ обоихъ отъ должности, но, собираясь оставить патріаршій престолъ, пожелалъ примириться и съ ними и разрѣшилъ ихъ отъ наложеннаго на нихъ запрещенія.

Простивши такимъ образомъ всѣхъ своихъ враговъ и примирившись со всѣми, Григорій удалился на покой въ монастырь Аристіна (1), находившійся

(1) Объ этомъ монастырѣ, равно какъ и о сосѣднемъ съ нимъ Андеевскомъ, см. *Ducangii Constantinopolis christiana*, lib. IV. Sect. 5. num. 5. sect. 7, num. 8.

неподалеку отъ Андреевскаго монастыря, въ которомъ жила его большая почитательница, извѣстная намъ дочь Евлогія, супруга протовестіарія Рауля (1).

Но съ удаленіемъ со сцены Григорія, дѣло съ его книгой не кончилось. Императоръ назначилъ особую комиссію изъ извѣстныхъ своею ученостью духовныхъ лицъ и поручилъ ей разсмотрѣть ее и сообщить ему свое мнѣніе о ея характерѣ.

Первое засѣданіе комиссіи, собравшейся въ большомъ дворцѣ, не удалось, благодаря жестокому землетрясенію, разогнавшему членовъ комиссіи. Второе и слѣдующія затѣмъ засѣданія происходили въ Влахернскомъ дворцѣ. Послѣ долгаго и тщательнаго обсужденія, члены комиссіи пришли къ заключенію, что собственно въ исправленіи нуждается только извѣстное изъясненіе словъ св. Іоанна Дамаскина, изъясненіе, изъ-за котораго возникло все дѣло. Но такъ какъ судьи не могли согласиться на счетъ способа исправленія этого мѣста; то и остановились на заключеніи, что лучше совсѣмъ исключить это мѣсто, чѣмъ давать ему неудовлетворительное объясненіе. Какъ отнесся къ этому заключенію комиссіи императоръ, историкъ не сообщаетъ (2).

Такъ какъ патріархъ былъ низведенъ съ престола столько же въ угоду его ученымъ противникамъ, сколько, если не болѣе, и въ угоду арсенитамъ; то импе-

(1) Распут. Ев. II, с. 10, р. 133. Историкъ говоритъ, что Григорій вскорѣ же и умеръ здѣсь отъ душевныхъ потрясеній и отъ тоски, и что императоръ, узнавши о его смерти, присылалъ къ протовестіарію съ гонимовъ за гонцами съ приказаніемъ, чтобы похороны его были совершены какъ можно тише и скромнѣе; и вслѣдствіе этого Григорій былъ погребенъ, какъ простой вѣрующій, а не какъ патріархъ. Ibid. с. 17, р. 152.

(2) Распут. Ев. II, с. II, р. 133—134.

раторъ считалъ этотъ моментъ весьма удобнымъ для возобновленія переговоровъ съ ними. Прежніе его переговоры, которые онъ возобновилъ вскорѣ по закрытіи Атрамитскаго собора и которые на время были прерваны сначала дѣломъ Венка, а потомъ дѣломъ Григорія, кончились весьма печально. Въмѣсто желаннаго примиренія умѣренныхъ арсенитовъ съ крайними императоръ добился того, что оттолкнулъ отъ церкви если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ изъ первыхъ, не пріобрѣтши для нея послѣднихъ. Чѣмъ и какъ былъ полученъ такой прискорбный результатъ историкъ не объясняетъ, а говоритъ лишь, что глава умѣренныхъ Іоаннъ Тарханіотъ, не хотѣвшій и слышать о примиреніи съ главою крайнихъ, Іакинѳомъ, отдѣлился и отъ церкви и былъ за это заключенъ императоромъ въ крѣпость Хилы (Χίλα) (1). По видимому, причиной этого вторичнаго отпаденія отъ церкви была настойчивость, съ какою императоръ требовалъ отъ Іоанна примиренія съ Іакинѳомъ. Эта настойчивость, при томъ глубокомъ презрѣніи, которое питалъ Іоаннъ и его приверженцы къ Іакинѳу и его партіи послѣ Атрамитской затѣи, на которую Іоаннъ, стоявшій по своему образованію гораздо выше Іакинѳа и его слѣпыхъ приверженцевъ, думавшихъ замѣнить недостатокъ богословскаго образованія неразборчивой «ревностью», смотрѣлъ не только какъ на невѣжество, но и какъ на богохульство, легко могла раздражить характернаго Тарханіота, и заставить его не только окончательно разойтись съ Іакинѳомъ, но и съ докучливымъ императоромъ. Это тѣмъ легче могло случиться, что Іоаннъ во главѣ

(1) Когда это случилось, историкъ тоже не объясняетъ

своихъ приверженцевъ примирился съ церковію не только не безусловно, но и не безъ задней мысли, какъ это обнаружилось въ извѣстномъ перенесеніи праха Арсеніева въ столицу. Какъ бы то ни было, по этому, или по другому побужденію, но и весьма многіе изъ умѣренныхъ вслѣдъ за своимъ вождемъ были снова потеряны для церкви, какъ и крайніе, и, какъ мы видѣли, своимъ вмѣшательствомъ въ интригу ученыхъ противниковъ Григорія, немало поддержали эту интригу и содѣйствовали ея успѣху.

Удаленіе Григорія; бывшее результатомъ этой неблагоприятной интриги, само собою вызывало императора на попытку испробовать, на сколько можно было давать значенія обѣщанію арсенитовъ примириться съ церковію подъ условіемъ устраненія этого патріарха. Въ этихъ видахъ онъ приказалъ освободить Іоанна изъ крѣпости и помѣстить его въ зданіи стараго арсенала, находившагося близъ влахернскаго дворца, предоставивъ ему полную свободу дѣйствій и позволивъ принимать у себя кого ему вздумается. Сначала онъ пробовалъ приглашать къ себѣ Іоанна и Іакинѳа по одиночкѣ и окольными путями (*ἀκροβολιστοῖς*) разузнавать, на сколько расположены они къ примиренію другъ съ другомъ, а потомъ прибѣгъ къ услугамъ постороннихъ людей, пользовавшихся ихъ довѣріемъ и уваженіемъ. Главныя усилія его и теперь, какъ прежде, были направлены на Іоанна. Къ нему онъ подослалъ патріарха александрійскаго, имѣвшаго на него большое вліяніе, разузнать его образъ мыслей, попытаться измѣнить его согласно съ желаніями императора и потомъ сообщить ему о результатахъ своихъ переговоровъ. Аѳанасію было поручено развивать

предъ Тарханіотомъ ту особенно мысль, что если устроится примиреніе между нимъ и Іакинѳомъ, то безъ сомнѣнія, вельдъ за ними примирятся и ихъ сторонники, а когда все они будутъ едино, то можно будетъ составить соборъ, и на немъ дружески устроить и соглашеніе ихъ съ церковію, «такъ какъ Богъ находится посреди единомыслищихъ и подаетъ миръ ищущимъ мира ближнимъ и дальнымъ, особенно когда они ищутъ не своей славы, а Божіей (1)». Но ни личныя рекогносцировки, ни примирительныя попытки Аѳанасія, не дали никакихъ результатовъ. Іоаннь держался на сторожѣ противъ тѣхъ и другихъ и отвѣчалъ такъ уклончиво, что нельзя было вывести никакого заключенія на счетъ его образа мыслей и его намѣреній. Не обѣщая ничего въ настоящемъ, онъ подавалъ лишь самыя неопредѣленныя надежды въ будущемъ.

Хотя эта безуспѣшность попытки примирить арсенитовъ другъ съ другомъ подавала мало надежды на примиреніе ихъ съ церковію, тѣмъ не менѣе императоръ, горѣвшій желаніемъ устроить это примиреніе такъ или иначе, не хотѣлъ бросать этого дѣла, не испытавши предварительно всѣхъ средствъ къ его благополучному, желанному въ интересѣ церковнаго мира, окончанію, и съ этою цѣлью неоднократно устраивалъ соборы изъ наличныхъ епископовъ, приглашалъ на ихъ засѣданія представителей той и другой партіи, стараясь склонить ихъ къ миру другъ съ другомъ и церковію.

Но и усилія собора оказались столь же безуспѣшными, какъ и личныя усилія императора.

(1) Pashum. Ev. I, c. 12, p. 136.

Между тѣмъ, по обычаю, давно вошедшему въ плоть и кровь византійцевъ, противники сѣшнли интриговать другъ друга. Крайнїе оговорили главу умѣренныхъ-Тарханіота въ замыслахъ на царскую власть. Основаніемъ для оговора послужили два истинныхъ, или вымышленныхъ факта: а) будто бы Тарханіотъ въ одно собраніе явился въ пурпурныхъ нарукавникахъ (*χρυσίδας*), украшенныхъ драгоценными камнями, и б) будто бы нѣкоторые другія принадлежности царскихъ одежды были найдены у одного изъ его единомышленниковъ. Вслѣдствіе этого оговора Тарханіотъ былъ снова заключенъ въ крѣпость безъ суда и слѣдствія.

Тѣмъ внимательнѣе сдѣлался послѣ того императоръ къ главѣ крайнихъ Іакинѳу и его ближайшимъ сподвижникамъ—Дазарю, Макарію и Лепендрену. Онъ подарилъ ему одну изъ лучшихъ лошадей со своей конюшни, чтобы дать ему возможность почаще навѣщать его во дворцѣ для интимной бесѣды. Хитрый монахъ сѣшилъ пользоваться этимъ благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ къ тому, чтобы обезвечить себѣ и своимъ благосклонность императора на счетъ своихъ совѣтниковъ. Онъ притворился горячимъ сторонникомъ церковнаго мира, старался увѣрить императора, что самъ онъ лично готовъ хоть сейчасъ вступить въ общеніе съ церковію, и если еще медлить, то единственно потому, что его единоличное присоединеніе будетъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно въ интересъ мира, такъ какъ при настоящемъ настроеніи остальныхъ членовъ фракціи нельзя рассчитывать на то, чтобы его примѣръ нашелъ себѣ много подражателей, а напротивъ, есть основаніе думать, что его присоедине-

ніе лишь окончатъ. оно оттолкнуло бы всѣхъ остальныхъ отъ церкви. Его смертельный врагъ, Іоаннъ Тарханіотъ, служившій до сихъ поръ главнымъ препятствіемъ къ примиренію арсенитовъ какъ между собою, такъ и съ церковію, не замедлитъ воспользоваться этимъ присоединеніемъ къ тому, чтобы выставить его измѣнникомъ памяти и дѣлу Арсенія и тѣмъ сдѣлать его презрѣннымъ столько же въ глазахъ своихъ, сколько и въ глазахъ чужихъ, такъ что въ концѣ концовъ его присоединеніе лишь посоритъ его со своими и не примиритъ съ чужими, послужитъ лишь къ его личному вреду, безъ всякой пользы для церкви. Вслѣдствіе этихъ соображеній тонкій лицемѣръ просилъ императора дать ему время постепенно подготовить своихъ единомышленниковъ къ шагу, который за себя онъ давно будто бы рѣшилъ, и облегчить для него эту подготовку возможной внимательностью къ нуждамъ и желаніямъ вліятельнѣйшихъ членовъ фракціи. При дѣятельномъ содѣйствіи императора, онъ тѣмъ легче надѣялся достигнуть указанной цѣли, что злокозвенный Тарханіотъ, потерявшій свои навлиныя перья, вслѣдствіе недавно разразившейся надъ нимъ, совершенно впрочемъ заслуженной имъ, катастрофы, сдѣлался теперь столько же смѣшонъ, какъ ошипанная ворона, и не можетъ уже тормозить святое дѣло примиренія (1).

Рѣши хитраго старика были по сердцу императору. Онъ съ удовольствіемъ ихъ выслушивалъ и, не подозревая въ нихъ никакого коварства, охотно согла-

(1) Ἰωάννου δὲ (Ταρχανίου) καὶ δευταρχίου, καὶ ὧ' ἑκκλησιαστικῶν, καὶ πρὸς τοὺς ἰδίους κληρικόνων, οὐδὲ καὶ ἀπὸ τοῦ βασιλευσίου δόξαι, καὶ ὄψατο τοῦ καλοῦ παθεῖν ἐκείνων, τοῦ ἀλλοτρίων ἐπιβουλεῶν πτασῶν. Βασίλειον, 15, II, с. 12, 1. 137.

силея выжидать благоприятнаго момента для получения общаемаго результата и вызвался содѣйствовать ускоренію этого момента. Въ этихъ видахъ онъ отдалъ въ распоряженіе Іакинѳа и его партіи мозельскій монастырь, продолжая въ тоже время по прежнему принимать у себя слѣпныхъ вождей партіи Лазаря, Макарія и другихъ, когда имъ вздумается, и обсыпалъ ихъ всевозможными знаками вниманія: встрѣчалъ и провожалъ ихъ, когда они его навѣщали, превозносилъ похвадами несокрушимое мужество, обнаруженное ими въ ихъ злостраданіяхъ, выражалъ удивленіе и благоговѣніе предъ знаменіями ихъ достославнаго исповѣдничества и убѣждалъ ихъ не омрачать ихъ отчужденіемъ отъ церкви. Слепые исповѣдники принимали все эти комплименты и другіе знаки вниманія царскаго, какъ вполне заслуженную ими дань удивленія къ ихъ добродѣтелямъ и ревности, и не только не думали поступаться ни однимъ изъ своихъ требованій, но и считали себя вправѣ, во имя признанныхъ императоромъ заслугъ своихъ, расширить эти требованія, именно: они потребовали, чтобы торжественно было объявлено, что Іосифъ никогда не былъ законнымъ патріархомъ и чтобы столь же торжественно было осуждено ученіе, что *Духъ св. исходитъ отъ Отца чрезъ Сына* (1). Къ этимъ двумъ радикальнымъ требованіямъ они присоединили еще третье, не менѣе радикальное: чтобы провѣрены были все хиротоніи, совершенныя послѣ удаленія отъ престола Арсенія, и затѣмъ скромно

(1) Пахиеръ называетъ это ученіе догматомъ церкви: ἡδέσταιν δὲ καὶ δογματὶ τῆς ἐκκλησίας τὸ εἶναι τοῦ ἁγίου ἐκ πατρὸς ἐκπορεύεσθαι. Pashyut. lib. II, c. 12. p. 138.

присовокупили, что если бы императору угодно было поручить имъ управление церковію, то они стали бы управлять ею по святому евангелію и свято-отеческимъ канонамъ (1).

Слушая эту старую пѣсню въ новой, дополненной редакціи, императоръ понялъ, что грубѣйшимъ образомъ обмануть арсенитами, махнулъ на нихъ рукой и приступилъ къ избранію новаго патріарха.

И. Троицкій

(Продолженіе будетъ).

(1) Вѣд. р. 138—139.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки